PG 3447
.V8R3
1863

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class ~~PGR 2573~~

Book ~~V 54~~

~~1863~~

YUDIN COLLECTION

РАЗСКАЗЫ

Е. Вороновой.

СОБСТВЕННОЕ ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

Москва.

—

1863.

Cyr. Vorovova, E.
Razskazy.

РАЗСКАЗЫ

Е. Вороновой.

СОБСТВЕННОЕ ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

Москва.
Въ типографіи Лазаревскаго института восточныхъ языковъ.
1863.

PG3447
.V8R3
1863

Дозволено цензурой. Москва, 11 Октября 1863 года.

2414884

Николаю Іосифовичу

КОРЕЩЕНКО,

посвящаетъ

съ искреннею признательностію

Авторъ.

РОМАНЪ МОЕЙ МАТЕРИ.

РАЗСКАЗЪ.

.... Зимніе вечера соединяли наше семейство въ большую, голубую гостиную нашего стараго, деревенскаго дома; въ моей памяти живо рисуется эта мрачная, холодная комната съ старинными зеркалами во всѣхъ простѣнкахъ, съ симетрически разстановленною старомодною мебелью и двумя портретами большаго размѣра, придававшими ей еще болѣе мрачности.

Первый изъ нихъ, бросающійся въ глаза прямо при входѣ въ голубую гостиную и отражающійся во всѣхъ ея зеркалахъ, изображалъ моего дѣда, отца моей матери, храбраго генерала Суворовскихъ временъ; очень рѣдкіе волосы нигдѣ не закрывали его высокаго, смуглаго лба; подъ густыми бровями блестѣли большіе, голубые глаза; носъ большой, съ двумя горбами загнутый къ низу, какъ у орла, соединялъ по моему больше не-

правильности, чѣмъ всѣ остальныя черты лица дѣда, не говоря естественно о ртѣ, измѣнившемъ, съ потерею зубовъ, первобытную форму и нижняя губа котораго, немного выдавшаяся впередъ, придавала физіономіи дѣда выраженіе надменности чуждой ему.

Другой портретъ въ круглой, позолоченной рамкѣ, старинной работы, изображалъ мою бабку, мать моей матери и былъ одинъ вѣрный изъ всѣхъ ея портретовъ, неудававшихся Богъ вѣсть почему: потому ли, что выраженіе лица оригинала быстро мѣнялось и ускользало изъ-подъ кисти художниковъ, или художники были плохи и кисть не хотѣла слушаться ихъ. Бабка моя славилась своею наружностью, но къ сожалѣнію одинъ ея вѣрный портретъ, перешедшій къ потомству, засталъ её далеко за предѣлами цвѣтущей поры ея красоты и представлялъ ее ужъ почтенною старушкою въ темно-гранатовой бархатной шубкѣ, подъ которой виднѣлись ея сухія, прозрачныя руки поразительной формы и бѣлизны и въ ночномъ, батистовомъ, вышитомъ чепчикѣ съ густыми оборками, совсѣмъ закрывавшими ея лобъ и виски. Лицо моей бабки могло бы служить богатымъ источникомъ назидательныхъ размышленій тому, кто ихъ любитъ, такъ разрушительно прошла рука времени по его нѣкогда тонкимъ и правильнымъ чертамъ, оставивши нетронутыми только носъ продолговатый и правильный и большіе, какъ уголь черные, блестящіе глаза, — странные глаза потому, что они являлись совершенною неожиданностью въ этомъ блѣдномъ лицѣ, исхудаломъ и покрытомъ морщинами и — потому, что выраженіе ихъ не покорялось никакому опредѣленію, — такъ много противорѣчій заключало въ себѣ оно.

Къ этимъ двумъ портретамъ обращались нерѣдко съ

тихою грустью глаза моей матери, во время нашихъ вечернихъ бесѣдъ и подъ ихъ вліяніемъ былъ разсказанъ намъ ею небольшой романъ прошедшей жизни. Романъ этотъ передъ вами, взятый изъ жизни совершенно вамъ чуждой, разсказывающій вамъ о понятіяхъ и нравахъ отставшихъ отъ васъ почти–что на столѣтіе. Не браните-жъ его за то, что гость непрошенный, онъ не кстати является вспоминать между вами:

Дѣла давно-минувшихъ дней
Преданье старины глубокой.

Съ тѣхъ поръ, какъ я стала знать самое себя, мы все жили въ деревнѣ; говорили, мнѣ помнится, что я и родилась въ этомъ огромномъ домѣ, гдѣ прожили безвыѣздно почти вплоть до замужества. Не знаю, кѣмъ изъ предковъ моихъ возведено это странное, мрачное, причудливое зданіе, напоминавшее своими башнями, готическими окнами, темными переходами, неприступные замки рыцарскихъ временъ. Уцѣлѣвшій фундаментъ еще напоминаетъ огромные размѣры этой постройки, сдѣланной вѣка за два назадъ и вмѣщавшей въ себѣ три огромныхъ этажа, изъ которыхъ каждый могъ ужъ составить помѣстительный домъ: въ верхнемъ жила мать моей матери, моя добрая бабка, слабая, дряхлая, слѣпая старушка съ своей любимою карлицею Фенею; нижній этажъ занимала прислуга: въ немъ помѣщались прикащикъ Лаврентьичъ съ супругою своею Ариною Кузминичною, довѣренною ключницею покойницы матушки, камердинеръ отца, старшій поваръ Ѳома и картавая собесѣдница бабушки, сплетница Власьевна, сокращавшая

своею болтовнею длинныя, безсонныя ночи старушки; тутъ помѣщались контора, писарь и множество швей работало въ пяльцахъ, подъ руководствомъ бѣдной дворянки, проживавшей у насъ въ качествѣ компаніонки и помощницы матушки. Средній этажъ былъ исключительно занятъ нашимъ семействомъ: оно состояло изъ отца, матери, трехъ моихъ братьевъ, меня и сестры постарѣе меня. Впрочемъ, братья мои вступили очень рано въ военную службу и были у насъ очень рѣдкіе гости, являясь налётомъ и рѣдко всѣ вдругъ.

Всё, что я знаю объ исторіи жизни отца и матери моей, такъ несложно и просто, что безъ труда разскажется въ немногихъ словахъ: Отецъ мой былъ сынъ заслуженнаго воина, сложившаго голову на бранномъ полѣ; онъ оставилъ сыну славное имя и обремененное долгами имѣніе, которое было, какъ водится, продано съ публичнаго торга. Не вѣдаю рѣшительно дальнѣйшихъ событій изъ жизни отца; вообще не разговорчивый, онъ не любилъ особенно вспоминать это время изъ собственнаго прошлаго, быть можетъ потому, что вспоминать дурное, по моему, что вновь его переживать. Лѣтъ въ 17-ть-18-ть, онъ былъ ужъ въ Петербургѣ и поступилъ на службу подъ начальство Суворова.

Служилъ, пока служилось, дрался храбро въ сраженіяхъ, пока, утомленный трудами и годами, не вышелъ въ отставку съ грудью пробитой пулей на вылетъ и украшенной генеральскою звѣздою. Мать моя была дочь богатаго помѣщика. Романъ ея знакомства, ея брака съ отцомъ, мнѣ вовсе неизвѣстенъ; а впрочемъ едва ли и крылся тутъ романъ. О влеченіи сердецъ, о любви, да о страсти не гадали, не думали въ то блаженное время; тогда души роднились посредствомъ привычки, —любовь

неизбѣжно являлась за бракомъ, а гдѣ ее не было, тамъ долгъ прехладнокровно замѣнялъ ея мѣсто.

Не знаю, какъ прошла весна ихъ брачной жизни: я еще была совершеннымъ ребенкомъ, когда ужъ мой отецъ былъ почти также старъ, какимъ онъ изображенъ на этомъ портретѣ и когда моя мать облеклась въ эту теплую, широкую шубку и скрыла морщины подъ густыми оборками неуклюжаго чепчика; но ежели судить по концу о началѣ, то эта жизнь прошла мирно и ровно, безъ особенныхъ печалей, безъ слишкомъ яркихъ радостей. Очень понятно, что въ жизни отца, исключительно отданной служебнымъ дѣламъ, жена не могла занять большаго мѣста, но это обстоятельство, на которомъ воображеніе жены нашего времени, непремѣнно построило бы цѣлый романъ, прошло не замѣченнымъ въ глазахъ моей матери во всё время ея 30-ти лѣтней супружеской жизни; мужъ ея былъ честенъ, не пилъ, не моталъ, не стѣснялъ ея воли, въ ея распоряженіи собою и домомъ, сносилъ терпѣливо неровности нрава ея, подъ-часъ-таки задорнаго: чего-жъ больше для счастія положительной женщины, какою была мать и вообще всякой женщины съ такимъ складомъ ума?

По отставкѣ отца и по вступленіи моихъ братьевъ на службу, родители мои поселились въ деревнѣ, гдѣ, взростивъ и пристроивъ меня и сестру, легли мирно въ могилу подъ кровъ ими же воздвигнутой и отстроенной церкви. Пошли Господь всѣмъ намъ подобную жизнь и подобный конецъ!

Ну, да нѣтъ, намъ не жить такъ, какъ жилось въ то время; стало больше ума, да счастье какъ-то вовсе повывелось на свѣтѣ! Хоть бы мои покойники, о чемъ было имъ думать, чего было желать?. Домъ—полная чаша,

всѣхъ сдѣланныхъ запасовъ, въ полвѣка не прожить, владѣнія тянулись на нѣсколько уѣздовъ, гумны ломились подъ тяжестью скирдовъ; луга, лѣса, заводы, все въ цвѣтущемъ порядкѣ, все въ широкихъ размѣрахъ! И какъ просто жилось среди всего довольства, проще насъ мелкихъ сошекъ, прожившихся дворянъ въ нашихъ полу-чужихъ, полу-своихъ имѣніяхъ? Прислуги было много: душъ подъ двѣсти съ излишкомъ въ различныхъ должностяхъ, при господской усадьбѣ, но вся эта прислуга жила и изживала свою праздную жизнь въ одеждѣ и обуви домашняго издѣлія; чисто-кровныя лошади впрягались въ рыдваны прадѣдовскихъ временъ; въ домѣ мебель простой и топорной работы еще помнила свадьбу моей столѣтней бабки; въ сервировкѣ стола, въ пріемахъ и въ выѣздахъ всё тоже отсутствіе щегольства и изящества, все та же простота; по прежнему обычаю всё видное и цѣнное хранилось въ сундукахъ: одно хлѣбосольство гуляло вольною волюшкою, покуда несложило буйную голову на развалинахъ нравовъ радушной старины!

И въ другихъ отношеніяхъ, жизнь тоже шла иначе: вставали съ пѣтухами, послѣ сытнаго завтрака, обѣдали въ 12-ть, часовъ же въ 9-ть-10-ть всё въ домѣ крѣпко спало, только лампады теплились вездѣ передъ иконами, да огонекъ горѣлъ тамъ на верху у бабушки всю ночку на пролетъ. Въ воскресные дни вставали еще раньше, чай пили вмѣстѣ съ завтракомъ, отстоявши обѣдню, и вообще каждый праздникъ старались проводить чинно, скромно и набожно. Въ посты постились тоже безъ всякихъ послабленій: строже были къ себѣ, и силъ-то было больше. Взглянули-бъ вы на матушку, какъ, несмотря на годы, управлялась она со всѣмъ своимъ огромнымъ

и сложнымъ хозяйствомъ. И то, правду сказать,—жила, жила на свѣтѣ и во всю свою жизнь одинъ лишай сносила, да и тотъ золотушный. Отецъ? Ну, разумѣется, штыкъ и пуля не шутятъ, однако-жъ, несмотря на все пережитое, отецъ мой былъ еще очень бодрый старикъ, онъ держалъ камердинера только такъ, для приславія, но, до глубокой старости, самъ брился, умывался, самъ стлалъ себѣ постель; всегда съ утра одѣтый въ походномъ сюртукѣ, онъ, не смотря на непогодь, отправлялся гулять, потомъ, по возвращеніи, пилъ привычную порцію березовой настойки и тогда ужъ садился на любимое мѣсто у средняго окна нашей длинной гостиной, гдѣ проводилъ дни, читая газету и пуская дымокъ изъ коротенькой трубочки съ янтарнымъ мундштучкомъ. Въ домашнее хозяйство онъ вовсе не мѣшался и даже иногда былъ не прочь покутить на матушкинъ счетъ и подразнить старуху, отзываясь презрительно обо всѣхъ мелочахъ, столь важныхъ въ ея мнѣніи, и въ самомъ дѣлѣ важныхъ, что тамъ ни говорите. Подобныя сцены были очень забавны, и вспыльчивый нравъ матушки выступалъ очень ярко въ сравненіи съ насмѣшливымъ хладнокровіемъ отца.

— Что это ты, бабушка, смотришь совою? обращался онъ къ матушкѣ, аттакуя по русски врасплохъ, безъ предисловія.

— Сова? у васъ всѣ совы: сердиться-то не стоитъ.

—Ну само собой разумѣется, что не стоитъ за правду.

— Это правда по вашему, равнять жену съ совою, и со всякою дрянью? Да, впрочемъ, какъ подумаешь, вѣдь вамъ только и дѣла!

— Ну, а тебѣ, бабушка, куда бы, какъ хотѣлось,

чтобъ и я, какъ и ты, суетился вѣкъ цѣлый и все изъ алтына?

— Алтынъ! изъ-за алтына! Вы Бога не боитесь! Къ прошедшему празднику одной ветчины на три тысячи продано....

— Знаю, бабушка, знаю: весь третьегодичный ячмень въ неё всадила; ужъ нечего сказать, набралась барышей!

— Ну, я дура конечно, отдаю безъ разбора рублевое за грошъ. Спорить только не хочется, а вывесть вашу ложь на чистую воду, куда бы какъ не трудно: стоитъ только сослаться на Арину Кузминичну, Степаниду Петровну....

— Короче на всю сволочь! перебилъ отецъ, давая гнѣву матушки другое направленіе.

— Ну, сволочь, пусть и сволочь. Вы одни хороши, умны, совершенны: почему-жъ не порочить дѣвушку бѣдную, притомъ же сироту, которая мнѣ служитъ съ особеннымъ усердіемъ и по силѣ возможности бережетъ мой покой?

— Ужъ бережетъ, я думаю! Такая корова!

— И выходитъ по моему, что для васъ нѣтъ людей,— всѣ совы, да коровы.

— Что станешь дѣлать, бабушка, если точно похожа.

— Эхъ, сказала-бъ я вамъ, продолжала она, качая головою, да словъ терять не стоитъ!

— Ну, само собой разумѣется, не стоитъ на глупости; я и слушать не стану, а ступай лучше съ Богомъ куда ты тамъ хотѣла, да только поскорѣе.

Мать моя удалялась и черезъ пять минутъ всё шло уже по прежнему: крикливый ея голосъ звенѣлъ, какъ колокольчикъ, во всѣхъ этажахъ мрачнаго и огромнаго

дома, отецъ опять сидѣлъ, углубившись въ газету и дымъ изъ его трубки потихонько коптилъ, да коптилъ потолки.

Между тѣмъ, какъ родители жили, мирясь и ссорясь на своей половинѣ, мы съ сестрою поживали, какъ птички въ тѣсной клѣткѣ, подъ строгимъ руководствомъ нашей брюзгливой няни, крутой и своенравной, но стоявшей въ значительномъ фаворѣ у матушки, за что?— не знаю, право: вѣрнѣе всего за прежнюю, за бывалую службу, потому, что съ тѣхъ поръ, какъ я живу на свѣтѣ, она уже не знала ни царскаго, ни барскаго, отдыхая на лаврахъ своихъ прежнихъ заслугъ, то-есть попросту, на широкой лежанкѣ, гдѣ проводила дни, все ворча и бранясь на меня и сестру. Но власть надъ нами няни не всегда проявлялась только въ крикѣ да бранн, она очень не рѣдко прибѣгала и къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ; теребила насъ за уши, и въ экстренныхъ случаяхъ, къ стыду прежней небрежности въ воспитанiи дѣтей, заводила насъ въ тѣсную и темную каморку, гдѣ хранилось у ней худое и доброе, и тамъ расправлялась съ нами по своему и какъ душѣ хотѣлось! а душа моей няни была ириенасытная!

Замѣчу, впрочемъ, къ слову, что всѣ эти взысканiя заключались въ предѣлахъ первыхъ лѣтъ моей жизни и относились ко времени, когда я была такъ мала и глупа, что сидя за обѣдомъ, не могла совладѣть еще съ ножемъ и вилкою, и няня, стоя съ боку, брала за меня кушанье и рѣзала все то, что приходилось рѣзать. Подобная обязанность волновала въ ней желчь сильнѣе, чѣмъ все другое и, когда блюдо съ кушаньемъ, подобнаго разбора, обойдя моихъ старшихъ, приближалось

ко мнѣ, она шептала мнѣ, толкая меня въ спину своимъ костлявымъ пальцемъ: «*слышь, пострѣлъ, не бери.*»

Въ послѣдствіи времени, когда я и сестра стали обѣ по старше, мы своевольно свергли иго нянниной власти, но тогда мы суда на нее не искали, да по правдѣ сказать, гдѣ и было искать! У покойницы матушки? До того-ли ей было! Все утро проходило въ совѣщаніяхъ съ Ѳомою, потомъ шла толковня съ Аринною Кузминичною, интимныя бесѣды съ Степанидою Петровною. А сколько еще было второстепенныхъ лицъ, сколько другихъ заботъ, какъ дня-то доставало? Да притомъ же вообще, мать была холодна ко мнѣ и къ сестрѣ и неразъ говорила во всеобщее услышаніе:

«Терпѣть не могу всѣхъ этихъ Николаевенъ, Михайловенъ, Петровенъ, всѣ эти дѣвченки — все страшная дрянь; заботишься объ нихъ, а награды не жди, чуть подымится на ноги, объ томъ только и думаютъ, какъ бы выскочить замужъ; завѣется куда нибудь за тридевять земель, вотъ вамъ и утѣшеніе! а въ дѣвкахъ заспдитъ, такъ тоже толку мало. Нѣтъ, сынъ какая разница? И сравнивать грѣшно».

На основаніи подобныхъ убѣжденій, мы съ сестрою оставались всегда на заднемъ планѣ ея думъ и заботъ, не исключая мелочныхъ; всю любовь, всю заботливость, она безраздѣльно отдала сыновьямъ; для нихъ наживала, сберегала, копила, хлопотала безъ-устали; тянулась изъ жилъ. Ея рѣдкимъ и страннымъ вниманіемъ къ намъ, мы бывали обязаны исключительно радостнымъ домашнимъ событіямъ; эфектно-ли удавшейся хозяйственной аферѣ, извѣстію объ отличіи кого-нибудь изъ братьевъ, тамъ чему бы то нибыло, но при всѣхъ такихъ случаяхъ, она обращалась къ Аринѣ Кузминичнѣ:

«Арина Кузминична! Дай-ка нынче дѣтишкамъ рябиннаго варенья!»

Эта вѣсть разносилась по всей обширной дворнѣ: въ ней крылась nec plus ultra благосклонности матушки.

Во всегдашнемъ же будничнемъ обращеніи съ нами, она была строга, даже больше, чѣмъ надобно и чинила расправы, по жалобамъ на насъ, безъ всякихъ разбирательствъ и оправданій,

Судите же послѣ этого, какъ мы боялись матушку и какъ старались скрыть отъ свѣдѣнія ея и шалости наши и случайности, шедшія объ руку съ нами.

Разъ, теперь еще помню, я бѣгала въ саду и круто повернувши въ боковую алею, наскочила съ разбѣга на тонкую веревку натянутую поперегъ двухъ куртинъ: я перехватила себѣ горло до кости, но мысль о гнѣвѣ матушки дала мнѣ силу снесть съ стоическимъ терпѣніемъ страданія этой раны. Дѣло, впрочемъ, уладилось безъ всякихъ затрудненій: мнѣ надѣли на шею широкую бархотку и покойница матушка не узнала причины порядочнаго шрама, охватившаго мою шею почти вплоть до затылка и перешедшаго уже долго спустя въ едва только замѣтный, бѣленькій рубчикъ.

Отецъ мой, не смотря на всю свою суровость, любилъ насъ очень искренно, хотя любилъ по своему, какъ будто бы не видя, не замѣчая насъ. Ласкалъ онъ насъ рѣдко изъ года въ годъ щелчкомъ, ласково сказаннымъ названіемъ дура, или тамъ чѣмъ прійдется, въ томъ же тонѣ и родѣ; но во всѣхъ нужныхъ случаяхъ, защита его не измѣняла намъ; я сознавала это и, всякій разъ, какъ шалость по отчаяннѣе прочихъ дѣлалась гласною въ кругу нашихъ домашнихъ, я отправлялась тогда прямо къ отцу.

Когда я входила вся блѣдная отъ страха, онъ мнѣ молча указывалъ на мѣсто за собою и продолжая читать свою газету, посматривалъ на дверь, въ которую скоро входила моя мать съ хворостиною въ рухахъ.

Пожалуйте, пожалуйте! говорила она, обращаясь ко мнѣ съ саркастическою миною, предвѣстницею бури.

— Скажи намъ прежде, бабушка, на что она тебѣ? возражалъ мой отецъ, грозно сдвинувши брови.

— На что? Вы точно маленькій! Какъ будто и не знаете, что отъ этой дѣвченки нѣтъ никому житья?

— Ничего, перебѣсится, выйдетъ славная дѣвка.

— Да вы вѣрно не знаете ея новой продѣлки, вы вѣрно не слыхали, что проснувшись по утру Степанида Петровна была плотно пришита одѣяломъ къ постели и въ огромномъ вѣнкѣ изъ пуху и перьевъ, которымъ негодяйка убрала ея голову....

— Сама же виновата! Зачѣмъ спитъ, какъ сурокъ?

— Да рѣчь-то не объ ней, а объ этой дрянной, безпутной дѣвченкѣ, которую вы сгубите вашимъ вѣчнымъ потворствомъ. Ну, вы, какъ хотите, а я ей не спущу, да набавлю еще, чтобъ отучить ее уходить отъ меня, подъ ваше покровительство.

— Стой, бабушка, не взыщешь, если я не позволю. Ну, Маша, перестань, ступай, цалуй проворнѣе у матери руку, а я ужъ, такъ и быть, продлю недѣли на двѣ срокъ отпуска Михайлы и одинъ расплачусь за чужіе грѣхи!

Разговоръ продолжался въ миролюбивомъ тонѣ и о старой размолвкѣ забывалось до новой, въ силу умной пословицы: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!

Въ подобные дни, въ домѣ вѣяло запахомъ рябиннаго варенья, только въ сердце безстрастнаго, плѣшиваго Ѳо-

мы, возникалъ грѣшный ропотъ на судьбу и на матушку, при видѣ страшныхъ грудъ кулебякъ, растегайчиковъ и другихъ разныхъ хитростей, на мукѣ и на маслѣ, которыми она на радостяхъ чинила сокровище свое, ненагляднаго сына, оставленнаго ей еще на двѣ недѣли, по милости моей.

Замѣчу, впрочемъ, кстати, что защита отца, выступила такъ рѣзко за мою только личность: въ отношеніи сестры, она была обдуманнѣе и какъ-то холоднѣе; да и сама сестра прибѣгала къ ней рѣдко, подъ силою самолюбія, при помощи котораго, она прямо смотрѣла въ глаза взысканіямъ матушки: она не искала ни какихъ укрывательствъ, никогда не просила участія и пощады.

Бѣдная дѣвочка? когда случится вспомнить ея умное личико, ея темно-каріе, оживленные глазки и прекрасные волосы, такіе густые, такіе шелковистые, да какъ взбредетъ на умъ и ея положеніе въ нашемъ семействѣ и всѣ тѣ страданія, которыя жизнь принесла ей въ послѣдствіи, тогда душа моя остается на долго, подъ вліяніемъ горькаго, томительнаго чувства!

Средь страшнаго разлада, въ привязанностяхъ къ намъ, родителей нашихъ, одно только сердце билось равною любовью и кроткимъ снисхожденіемъ къ намъ, и сестрамъ и братьямъ и это было сердце доброй бабушки нашей. Она было всего лѣтъ на 13 старше моей покойной матери, но ужъ пятнадцать лѣтъ жила, не зная выхода изъ своихъ верхнихъ комнатъ и другихъ развлеченій, кромѣ бесѣды карлицы и прибаутокъ Власьевны. Случай, лишившій мою бубушку зрѣнія, лишилъ ее вмѣстѣ возможности участія въ жизни, шумно кипѣвшей у насъ въ нижнихъ этажахъ и долетавшей къ ней только неяснымъ гуломъ шаговъ и голосовъ. Подробности

его я слышала не разъ отъ той же карлицы Ѳени, обладавшей способностью людей полу-отжившихъ, разсудокъ и память разсказывать разъ по сто одну и ту же исторію и тѣми же словами и съ тѣмъ же выраженіемъ.

По словамъ ее, бабушка была еще веселая и бодрая старушка, когда вдругъ отъ простуды или тамъ отъ другой, невѣдомой причины, у нее заболѣли очень сильно глаза; домашнія лекарства и заговоры Власьевны не облегчали боли: воспаленіе противилось и мучило старушку. Рѣшились, скрѣпя сердце, искать другихъ средствъ помощи; привезенный изъ города невѣжда-лекаришка, далъ бабушкѣ примочку и приставилъ ей піявки не туда, куда слѣдуетъ; боль начала стихать и старушка уснула покойнымъ, сладкимъ сномъ, но, проснувшись поутру, она была слѣпа и съ той страшной минуты заря, полдень и сумерки слились для нея на вѣки, въ одну темную, долгую, безразсвѣтную ночь!

При этомъ разсказѣ, голосъ Ѳени звучалъ не поддѣльнымъ участіемъ и все ея широкое, угрюмое лицо, принимало, въ то время, выраженіе покорной, но безпредѣльной грусти.

Подъ грубою, не красивою оболочкою карлицы, скрывалось сердце, полное теплоты и добра; со дня несчастія бабушки и Ѳеня отчуждалась отъ всей нашей прислуги и стерегла старушку, какъ вѣрная собака, поила, кормила, покоила ее, что не мѣшало ей фамиліарничать съ барынею гораздо пуще прежняго и подъ сердитый часъ, не рѣдко отвѣчать ей отрывисто и грубо. Но, бабушка прощала всѣ ея недостатки, хорошо понимая, что жизнь ея безъ Ѳени, была бы, по возможности, еще уединеннѣе, еще того печальнѣе. Хоть мать моя была и почтительною дочерью и усердно заботилась о всѣхъ

ея удобствахъ, хоть и мы тоже дѣти любили очень бабушку и взбѣгали къ ней на верхъ, по нѣсколько разъ въ день, все же старушка знала, что минуя ея, у дочери ее много другихъ заботъ, у любви ея много другихъ близкихъ предметовъ, а мы, хоть и вертѣлись нерѣдко подлѣ нее, то все же ласки наши не столько относились къ самой личности бабушки, сколько къ запасу лакомствъ, которыя она всегда сберегала для нашихъ посѣщеній. Бывало, еще дремлетъ старушка на зарѣ, а мы уже заглянемъ во всѣ шкапчики и выдвижные ящики, понаѣдимся вдоволь вчерашняго пирожнаго и убѣжимъ на цыпочкахъ, да съ половины лѣстницы уже вихремъ снесемся.

— Что, Ѳеня, были дѣти? спроситъ проснувшись, бабушка.

— А то бы еще не были? Чѣмъ свѣтъ вездѣ обшарили и слѣдъ давно простылъ.

— Небось! ворчала Ѳеня, кусая отъ кромы, усѣянной крупно-истолченной солью, ходить-то всѣ ходятъ, а походить за вами, видно, акромѣ Ѳеньки всякъ рыло отворотитъ!

— Что ты, Ѳеня, ворчишь? доспрашивалась бабушка.

— Что ворчу? Ничего. Я только говорю, что жалѣльщиковъ много, а торчать-то при васъ, все я одна торчу.

— Что-жъ, Ѳеня, потерпи, авось-то Господь милостивъ приберетъ меня грѣшную!

— Не къ тому говорится, а изъ жалости къ вамъ.

— Ну, дѣти, что съ нихъ взять? А вотъ, какъ эта нюня, Степанида Петровна, какъ вамъ ономеднясь-то къ ночи притруднѣло, я и стала просить, чтобъ ночку посидѣла; послушаешь ее: «и съ моимъ удовольствіемъ, и долгъ-то христіанскій присмотрѣть за старушкой.» А

тутъ опять послушаю: «не могу, другъ мой, Ѳенинька, и голова болитъ, и всю то вишъ ломаетъ!» А на низу до полночи прогоготала съ дѣвками. Видно съ тяжкой-то болѣсти, не растреснетъ ее!

— Грѣшно, Ѳеня, судить! Степанида Петровна еще во всей порѣ; никому не весело, а ей подавно скучно сидѣть съ слѣпой старухою.

— Ужъ точно что въ порѣ: вся какъ лунь посѣдѣла! Фрабрится только больно. Какъ за будни посмотримъ, такъ все разтрепою ходитъ, и изъ лица-то брюзглая; а какъ кто ни на есть изъ чужихъ навернется, такъ Маврушка весь день нейдетъ отъ утюга: платокъ то не платокъ и платье то не платье.

— Мелешь, мелешь ты, Ѳеня, слушать даже не хочется.

— Мелю, что мнѣ молоть?Она ни енеральша, ни госпожа какая, весь свой вѣкъ свѣковала на барскія подачки...

И долго еще тороторила Ѳеня, а бабушка дремала, молчала или думала подъ шумокъ ея рѣчи, кончавшейся всегда за послѣднимъ глоткомъ ея сытнаго завтрака: тогда Ѳеня вставала и молча клала въ землю три усердныхъ поклона: потомъ ужъ принималась за чистку и приборку бабушкиной спальни и маленькой прихожей, гдѣ лежали въ сторонкѣ ея коровій войлокъ, засаленный псалтирь и разныя разности, по рукодѣльной части. Весь день она пряла или быстро вязала коротенькими пальцами свой крошечный чулокъ. Съ наступленіемъ сумерокъ, Ѳеня клала работу, зажигала лампаду и, усѣвшись на ковричкѣ, подлѣ постели бабушки, принималась за чтеніе псалмовъ царя Давида.

Это чтеніе было пробнымъ камнемъ терпѣнія и бабушки и Ѳени: грамота окончательно не далась бѣдной карлицѣ; какъ ни билась съ нею бабушка и какъ ни старалась и сама ученица постичь ея премудрость. Несмотря на многолѣтніе труды и толкованіе, Ѳеня читала дурно, всегда въ слухъ по складамъ, да и на тѣхъто путалась: трехсложные рѣшительно сбивали её съ толку.

— Ну, Ѳенюшка, читай, да ужъ только, пожалуйста, старайся по разборчивѣе? Говорила ей бабушка каждый разъ съ одинаково-одобряющею ласкою.

И Ѳеня начинала читать скороговоркою:

— Буки люди азъ-бла, глаголь онъ-го, благро...

— Ты читаешь одно, а говоришь другое: сложи-ка еще разъ.

— Буки люди азъ-бла, глаголь онъ-го, благло...

— Что ты, дурища, мелешь, прочти-ка еще разъ! Говорила ей бабушка съ невольною досадою.

— Буки люди азъ-ба, глаголь онъ-го.

— Людей опять украла, перебивала бабушка.

— Было бы что еще красть! Ихъ, видно, тутъ и не было, мнѣ бы равно читать, оправдывалась Ѳеня.

— Ну, да, видно, что не было. Ну, вотъ, столкуйтесь съ нею? Ну, читай же, читай! Авось-то, Господь милостивъ, дальше лучше пойдетъ!

И Ѳеня продолжала съ усиленнымъ вниманіемъ:

Буки люди азъ-бла, глаголь онъ-го, слово люди онъсопъ....

— Ты Бога не боишься: ну, какой же тутъ сопъ? Въ грѣхъ, право, вводишь, Ѳеня: ужъ больно безтолкова!

— А грѣшно, такъ не слушайте! Ишь вы, право, какіе! Небось, сама бы рада, чтобъ выходило ладно, да ишь

ихъ тутъ насложено: кто авось и пограмотнѣе и тотъ пойметъ не съ разу.

И правда твоя, Ѳеня! Ну, читай же, читай, я ужъ мѣшать не стану.

Старушка обернется потихоньку къ стѣнѣ и лежитъ притаившись, какъ и нѣтъ ее въ комнатѣ, а Ѳеня продолжаетъ на просторѣ уродовать и слоги и слова.

— Что тамъ такое, бабушка, ты никакъ тамъ гудешь? обращался отецъ въ диванную, гдѣ матушка сидѣла въ тиши сумерокъ, въ раздумьи надъ сдѣланнымъ и предстоящимъ дѣломъ.

— Я еще, слава Богу, не спятила съ ума, хоть и пора бы, кажется. Вы не вчера родились: пора бы примѣниться, что это безмозглое чучело Ѳенька гудетъ опять свое. И видно, что охота сильнѣе всякой неволи: а въ гробъ пойдетъ такою же безграмотною дурындою!

Вечеркомъ, келья бабушки замѣтно оживлялась, а насъ бывало внизъ и пряникомъ не сманишь: сначала прибѣжитъ разкосая Маврушка, принесетъ самоваръ и при удобномъ случаѣ, разскажетъ теткѣ Ѳенѣ каждый взглядъ, каждый шагъ Степаниды Петровны; потомъ прійдетъ туда же Арина Кузминична, чтобы прогнать по-зашеямъ разкосую Маврушку; придетъ такая грозная, а дальше слово за-слово забудетъ про Маврушку и всю свою команду, да и распуститъ балы, какъ и простая смертная; успѣвай только слушать всѣ новости по дому, по кухнѣ и по дворнѣ; ну и господъ коснутся: не святые-жъ они, а все такіе-жъ грѣшные, а разобрать по жилкамъ, такъ еще чего добраго, кто кого перетянетъ. Ужъ гнѣвный голосъ матушки взведетъ на умъ Кузминичны забытую обязанность: не успѣешь опомниться, а она ужъ летитъ какъ бомба, внизъ по лѣстницѣ, гонитъ

въ шею Маврушку и читаетъ ей вслѣдъ: «вишь разкосая шельма, я ждать-да-подождать, а она, какъ и путная, туда-жъ пустилась въ розсказни!»

Не замѣтишь, бывало, какъ время пролетитъ вплоть до прихода Власьевны, въ дни когда, разумѣется, ей случалось прійдти, потому, что у Власьевны, кромѣ почетной должности собесѣдницы бабушки, лежала на рукахъ куча разныхъ заботъ: родитъ-ли кто въ селѣ, бѣгомъ бѣгутъ за Власьевной; случится ли пропажа? и Власьевна разскажетъ, какъ дважды-два-четыре, кто взялъ и куда сбылъ. А пострѣлъ приколоть, отчитать отъ припадка, умыть ребенка съ глазъ, все Власьевна, да Власьевна: гдѣ крестомъ, да молитвою, гдѣ ересью прихватитъ, все на бѣдность годится: её понавидалась старуха на вѣку: то осталась вдовою да все съ малыми дѣтками, билась съ ними да горилась, покуда невзростила: а тамъ Божіею милостію, да помощію господскою, пристроила ихъ замужъ. Но своими руками, видно, счастья не сложишь! Обѣ дочери Власьевны, въ одинъ годъ овдовѣли, да у каждой осталось съ полдюжины ребятъ. Выла, выла старуха и принялась за дѣло: гдѣ гривну, гдѣ алтынъ, все въ домъ, да въ домъ тащитъ; и покойница матушка, грѣхъ сказать, помогала, и отъ бабушки тоже кое-что перепадало, а мы-то ужъ, конечно, чѣмъ попало, тащили тихонько ей въ карманъ: разъ, какъ-то, второпяхъ, и матушкинъ чепчикъ туда же запопалъ: насилу оправдалась, да выбожилась Власьевна. А все сказки виною; да ужъ и сказки Власьевны? Любо, дорого слушать, словно бисеромъ нижетъ; и бабушка задремлетъ, и Ѳеня прикурнетъ, а мы сидимъ, да слушаемъ и сонъ нейдетъ на умъ. Не даромъ говорили ея злыя завистницы, что иной, въ цѣлый годъ, того не зарабо-

тастъ, что она заработаетъ въ недѣлю язычкомъ; ну, да Власьевна знала, что хоть судятъ и рядятъ ея грѣшныя кости, а какъ прійдется скрутно, то все-жъ прійдутъ за нею, еще въ поясъ поклонятся: «на, только пособи!»

Для меня наша Власьевна была тогда предметомъ еще многихъ другихъ пріятныхъ развлеченій, какъ всѣ въ ея быту, старуха слѣпо вѣрила и въ вѣдьмъ, и въ привидѣній, и въ прочія бредни людскаго суевѣрія, а я, въ былые годы, любила безъ ума запопасть въ тѣсномъ мѣстѣ, того, кто по трусливѣе, задать ему испуга и подъ защитою ночи ускользнуть непримѣтно, чтобъ самой не досталось, если-бъ пришлось попасться въ тиски допросовъ матушки. Наклонности моей сильно способствовала врожденная отвага, подъ вліяніемъ которой мнѣ были ни почемъ и темь глухой полночи, и могильныя насыпи и даже, что подъ ними. Да и привычка тоже; церковное кладбище раздѣлялось съ усадьбою только тѣснымъ проулкомъ, я съ дѣтства присмотрѣлась къ этимъ безмолвнымъ сторожамъ, надъ прахомъ моихъ праотцевъ, къ этимъ мѣднымъ крестамъ, къ этимъ бѣлымъ колоннамъ, ко всей мрачной поэзіи могильной тишины, надъ шумнымъ гуломъ жизни, кипѣвшей за кладбищемъ! Одинъ взглядъ моей матери ледѣнилъ во мнѣ кровь сильнѣе всѣхъ остововъ, дотлѣвающихъ мирно у меня подъ ногами. Бывало лѣтнимъ вечеромъ запрячешься отъ поисковъ дворовыхъ ребятишекъ въ промежутокъ могилъ, которыя повыше и гдѣ трава погуще и сидишь притаившись, покуда не отыщатъ иль самой не прискучитъ. Для Власьевны подавно и дольше продежуришь, обмокнешь и продрогнешь, все бывало за благо, лишъ бы пришлось порядкомъ ошеломить старуху. Чуть, бывало, заслышу

вдали ея походку, сейчасъ стану за памятникъ, распущу подлиннѣе шлейфъ широкаго савана изъ двухъ сшитыхъ простынь и стою въ позѣ призрака, пока Власьевна взвизгнетъ и полетитъ стрѣлою прямо вдоль по проулку; ужъ тутъ махну скорѣе черезъ широкой валъ, окольною дорожкою вокругъ сада, да во дворъ: я же первая встрѣчу ее въ прихожей бабушки, мнѣ-жъ Власьевна разскажетъ съ приличными прикрасами, какъ мертвецъ гналъ за нею почти вплоть до калитки, да спасибо, успѣла захлопнуть ее скоро, а то было совсѣмъ за шиворотъ схватилъ.

По простотѣ своей старуха относила всѣ свои приключенія, на счетъ давно умершаго пономаря Ивана: былъ ей прежде сосѣдомъ; ну, знаете, не ладили, такъ на сердцѣ осталось и смерть не примирила.

« Да, онъ, ужъ больше некому, говаривала Власьевна съ глубокимъ убѣжденіемъ, я по однимъ глазамъ изъ тысячи узнаю. И при жизни, покойникъ, не тѣмъ-то будь помянутъ, ни курамъ, ни цыплятамъ, нѣтъ никому проходу, да знать и по сю-пору не въ чистую спокаялся: и самъ сердечной маится, да и людямъ-то добрымъ нѣтъ отъ него жила!»

Ужъ въ послѣдствіи времени, я своею доброю волею поразсказала Власьевнѣ продѣлки на кладбищѣ, и то съ трудомъ повѣрила! Но, ужъ за то, увѣрившись, начала просить слезно у памяти покойнаго не попомнить ей, грѣшной, за напрасный поклепъ, все умаслить старалась, панихидку съ акафистомъ хотѣла отслужить.

Прошолъ годокъ, другой: сестрѣ было лѣтъ 9-ть, а матушка задумала поприсадить ее построже за работу; и мысль и исполненіе шли у нея тѣсно рядомъ и на другое же утро сестра уже сидѣла, склонившись низко

къ пяльцамъ, хорошенькою головкою. «Тамъ хочешь или не хочешь, а выучись, хоть тресни, а урокъ подавай!» Таковъ ужъ былъ обычай моей покойной матушки, прожила съ нимъ вѣкъ цѣлый, не стать мѣнять подъ старость! Жаль мнѣ было сестру и сердце больно ныло, пока не перестало.

Я осталась на время одною праздною личностію въ этомъ домашнемъ омутѣ нескончаемыхъ дѣлъ и, вполнѣ понимая, что мнѣ не миновать грустной доли сестры, я рѣшилась не потерять задаромъ послѣдніе золотые часы моей свободы. Я сдѣлалась отчаяніемъ не одной нашей дворни, но цѣлаго села, опираясь отнынѣ на одну свою силу и на сознаніе трудности изобличить меня. Въ суровой школѣ матушки я рано поняла, что безъ смѣтки, да хитрости, куда плохо житье! Польза истины этой, конечно чисто-ложной при другихъ обстоятельствахъ, была мною извѣдана сначала на мелкихъ, потомъ уже на болѣе значительныхъ продѣлкахъ. Да одно къ одному, какъ ужъ заладитъ клеиться, такъ ужъ одна удача пошибаетъ другую: въ числѣ полу-десятка новобранокъ-дѣвченокъ, вступающихъ на мѣсто выбывающихъ швей, я отличила двухъ; обѣ страшно лѣнились и были вѣчно правы. За два десятка яблокъ, да жареную утку, похищенную мною изъ подъ носа Кузминичны, обѣ стали мои со всею изворотливостью, съ совершенною готовностью изобрѣтать проказы и главное съ умѣньемъ опускать концы въ воду: въ немъ была наша сила, при мощи условія, не выдавать другъ друга. Этотъ тройной союзъ сохранилъ свою силу надолго въ нашу будущность. Лѣнивыя дѣвченки превратились въ послѣдствіи въ усердныхъ, ловкихъ горничныхъ и добровольно кинули родимое село, чтобъ слѣдовать за мною, когда я вышла замужъ.

Обѣ были пристроены съ порядочнымъ приданымъ, обѣ кончили дурно, никто не виноватъ: одна то, овдовѣвъ, рехнулась отъ любви къ забродягѣ-солдату, другая хоть и съ мужемъ, ну, да мужъ мужу рознь; прокутилъ ея деньги, да не обѣ нихъ ужъ толкъ: хоть бы ребра оставилъ, такъ и въ тѣхъ недочетъ!

Тогда-то всѣ мы были немного чѣмъ побольше вотъ этого стола; о томъ только и думали, какъ бы ловчѣе сыграть какую нибудь штуку, да поскорѣе дождаться счастья краснаго лѣта, да рабочей поры, когда весь народъ поуберется въ поле и у самой-то матушки голова такъ забита скирдами и крестцами, что она поневолѣ махнетъ рукою, на прочія домашнія дѣла: и смотритъ-да невидитъ; для насъ поры веселаго и шумнаго раздолья, свободной бѣготни по полямъ и лѣсамъ и вольныхъ набѣговъ на гумна, огороды и дворы поселянъ. Все пусто и прикинуто, хозяйничай, кто хочетъ, одинъ Богъ стережетъ!

Знай-ка тогда мы будущность, не бывать-бы тому, что бывало въ то время, кромѣ страшной натяжки, вспомнить было бы не начѣмъ невозвратную молодость.

Досадное время, какъ оно пролетѣло! А вотъ какъ иной разъ такъ и съ мѣста не идетъ! Не успѣла опомниться, какъ ужъ гроза и повисла надъ моею головою: въ одно гадкое утро, когда солнце свѣтило съ небывалою яркостью и соловьи щелкали въ зеленой чащѣ сада, такъ что просто досадно, меня многогрѣшную увлекли почти силою и мокрую, распухшую отъ пролитыхъ слезъ, представили предъ взоры моей покойной матери, сидѣвшей въ швейной комнатѣ съ Степанидою Петровною. Наставленіе ея было, какъ и всегда, такъ коротко и ясно, что слезы мои живо убрались во свояси; меня

усадили тутъ же прямо за пяльцы и начали водить по мытарствамъ фестоновъ, 'настилокъ и рѣшотокъ всѣхъ видовъ и всѣхъ націй!

Ко концу того же года, когда ужъ я постигла ихъ тонкую премудрость, что очень повозвысило меня въ понятіяхъ матушки, я тихо перешла во второй періодъ моего воспитанія. Огромный, неуклюжій чудакъ-семинаристъ, не знаю, гдѣ отрытый, научилъ меня грамотѣ: читать, писать, считать, однимъ словомъ всему, что существенно нужно для каждаго изъ насъ. Да и отецъ въ то время заставлялъ меня часто прочитывать ему разныя разности, все больше изъ исторіи, такъ что я незамѣтно понабралась познаніямъ себѣ на удивленіе. И все шло, какъ по маслу, пока судьбѣ не вздумалось ввернуть всѣмъ намъ крючка.

Въ тѣ уже годы, сѣмя французскаго вліянія пускало въ тихомолку свои крѣпкіе корни въ почву русской земли; и тогда уже многіе начинали подумывать и обживаться съ мыслею объ иномъ воспитаніи на иноземный ладъ, но матушка о немъ слышать не хотѣла; она ненавидѣла всѣхъ вообще иностранцевъ совсѣмъ ожесточеніемъ старинной русской женщины и всѣхъ ихъ, безъ разбора, называла всегда однимъ общимъ названіемъ бунтовщиковъ, мошенниковъ, грабителей и прочіе. А матушка была не такой руки женщина, чтобъ любить перемѣны, тѣмъ больше въ убѣжденіяхъ, упроченныхъ вѣками и, такъ сказать, врожденныхъ: чтобы могло, казалось, служить вѣрнѣе ручательствомъ за то, что ни одно иностранное слово не дерзнетъ потревожить древне-русскаго духа, которымъ были полны до камня основанія стѣны нашего мрачнаго и угрюмаго дома, да

оно такъ и было бы, еслибъ многія важныя событія въ нашей жизни не зависѣли часто отъ сущихъ мелочей.

Одна сосѣдка матушки, впрочемъ, довольно дальняя, вдругъ наняла мамзель. Ну, между ею и матушкою еще издревле шло не то, чтобъ вовсе ладно, какая-то глухая, безъисходная распря, ну, короче сказать, вѣкъ бились и тянулись, чтобъ сбить другъ другу спѣсь, но силы были равны и побѣда металась то вправо, то влѣво, не рѣшаясь пристать ни къ одной сторонѣ. Смерть вѣрнѣе разсудила: прибавила сосѣдкѣ съ пол-четверти земли, была то она ростомъ на много выше матушки и не могла улечься на равномъ съ нею пространствѣ усадьбы, на кладбищѣ.

Долго думала матушка, вся даже поблѣднѣла и будто вдругъ осунулась, но всѣ думы шептали потихоньку въ отвѣтъ: «взяла Авдотья Павловна, такъ вѣдь нельзя-жъ не взять Александрѣ Петровнѣ!» Убѣжденія всей жизни разлетѣлись въ дребезги и изъ ихъ развалинъ вышла вся въ завиткахъ тщедушная фигура нашей новой наставницы M-lle Louise Meyougt. Люди были, какъ видно, и тогда тѣ же люди и самолюбіе тѣшилось и плело изъ нихъ лапти, какіе тамъ хотѣло!

Водворенье француженки имѣло натурально огромное вліяніе на нашъ домашній бытъ, но по важнѣе его было то обстоятельство, что оно нанесло значительный толчекъ душевному спокойствію моей покойной матери. Мать, хоть уступала все-властью обстоятельствъ, но на первыхъ порахъ ходила цѣлый день, какъ сама не своя и ночью то ей грезились все ужасные сны: мятежи, да пожары, а ихъ главнымъ зачинщикомъ была ужъ натурально несчастная француженка, такъ что, проснув-

шись ночью, мать даже раза два посылала провѣдать: спитъ полно, или нѣтъ проклятая Мяу?

А Луиза была очень добрая дѣвушка не дальняго ума, и по своимъ понятіямъ такая же Кузминична, только инаго племени. Въ ней было много странностей отчасти и природныхъ, но больше привитыхъ нелѣпымъ положеніемъ бѣдняжки въ нашемъ обществѣ. Хоть, конечно, со временемъ первоначальныя впечатлѣнія изгладились и къ Меіу присмотрѣлись, какъ и ко всѣму ни свѣтѣ, но червякъ подозрѣнія все сосалъ сердце матушки, въ отношеніи француженки и въ душѣ все жило болѣзненное чувство тревожнаго презрѣнія, тѣмъ болѣе тяжелое, что и излить его надъ тѣмъ, надъ кѣмъ хотѣлось не представлялось случая: изъ сотни русскихъ словъ, Меіу по большей части понимала одно и, принимая все за добро, да за ласку, отвѣчала на разные намеки и колкости самой обворожительно-привѣтливою улыбкою. Ну, да свое безсиліе уязвить иностранку, покойница матушка съ лихвою вознаграждала на русскихъ домочадцахъ: день только что настанетъ, всѣхъ хлещетъ по глазамъ французскимъ, да француженкою; бывало къ приказанію изжарить поросенка и то ввернетъ словечко на націю Меіу и пригрозитъ Ѳомѣ: «да ты смотри, каналья, изжарь не по французски, а по русски, по нашему, чтобъ шкурка зарумянилась и на зубахъ трещала!»

Одна слѣпая бабушка обращалась съ Меіу почти какъ съ человѣкомъ, да и сама Меіу льнула къ ней инстинктивно и не могла смотрѣть на старушку безъ слезъ; за то Ѳеня косилась и слѣдила внимательно каждый шагъ иностранки, въ своихъ верхнихъ владѣніяхъ: не успѣетъ она еще изъ вида скрыться, ужъ Ѳеня наберетъ, раздуетъ угольковъ, да и начнетъ кадить по всѣмъ угламъ,

бормоча по складамъ воскресную молитву. На первыхъ-то порахъ даже наша боярышня Степанида Петровна подняла было носъ передъ бѣдной Меіу, но послѣ обошлось: сошлись и подружились, какъ водится въ молчанку и бронзовая брошка съ стекляннымъ изумрудомъ перешла въ одно утро, съ плоской груди француженки на роскошную грудь Степаниды Петровны.

Не говорю уже о тѣхъ милліонахъ тысячъ булавочныхъ ударовъ, которыми прислуга, въ угодность грозной барыни, старалась поразить несчастную француженку: всѣ-то они по счастью, разбивались о шлемъ глубокаго невѣденія чужаго языка; даже всѣ ребятишки, всякій разъ, какъ случалось ей выходить изъ дома, дразнили её вслѣдъ; отвсюду такъ и слышалось все мяу, да мяу и разные распѣвы; но Меіу въ этомъ случаѣ была вполнѣ мяу и говорила часто съ неподдѣльнымъ восторгомъ: Ils m'aiment ces enfants là que c'est plaisir à voir! Chaque fois que j'entreprends mon tour de promenade, je les entends chanter et répéter mon nom!» А этотъ туръ француженки бывалъ по меньшей мѣрѣ, въ десятокъ добрыхъ верстъ, ну да и въ два случалось, ей и тѣ не почемъ: летитъ домой бывало весеннимъ мотылькомъ, только платье да кудри развѣваются по вѣтру, такъ что даже Ѳому введетъ въ соблазнъ сужденія: «ишь носитъ то ее, басурманскую кровь, все они разжигаютъ!» промолвитъ онъ сквозь зубы, да и отплюнетъ въ сторону.

Вообще Меіу была-бъ отличнымъ скороходомъ, нажилась бы, какъ знать? обзавелась домкомъ, взяла-бъ, пожалуй, къ дѣтямъ такую-же, себѣ подобную Меіу, но она проморгала прямое назначеніе и втесалась въ чужое, да еще въ русскій домъ 18-го вѣка: не чортъ ей виноватъ!

Жизнь, шла да шла, межъ тѣмъ, все ближе къ перемѣнамъ, которыя судьба готовила въ нашъ домъ. Сестрѣ было 12-ть; по тогдашнему времени, она была невѣста, а по своей наружности, не говоря о прочемъ, невѣста, какихъ мало на нашемъ грѣшномъ свѣтѣ: картинка, а не дѣвочка. Еще съ прошлой зимы, покойница матушка начала брать ее съ собою на вечера, по понятію матушекъ тогдашняго столѣтія, чтобъ сластей понаѣсться и и свѣта повидать! Вывозили ее въ окольное сосѣдство, ну, и въ губернскій городъ, куда ѣзжала матушка очень даже нерѣдко: шелъ тамъ у нея процессъ, почти что, въ полмилліона, кушъ, знаете, порядочный, такъ было изъ чего судиться и тягаться. Эти выѣзды были чисто пыткою сестры: не весело ей было простоять битый вечеръ за спинкою кресла матушки, да и природный вкусъ оскорблялся нелѣпостію тѣхъ выѣздныхъ нарядовъ, которые покойница черпала для нея изъ пыльнаго архива своихъ приданыхъ платьевъ: прикажетъ перешить на талію сестры и на такой фасонъ, который тамъ по выгоднѣе, гдѣ ушьютъ, гдѣ разставятъ, ну и на ростъ, конечно, со всѣхъ сторонъ прибавятъ, а въ изрѣзъ, не прогнѣвайтесь и вершка не попустятъ: хоть куль-кулемъ ходи.

Я говорила вамъ, что сестра еще въ дѣтствѣ смотрѣла очень смѣло въ глаза взысканіямъ матушки, теперь, какъ шевельнулись къ тому и самолюбіе и женское кокетство, такъ еще передъ нею куда какъ расхрабрится: вчужѣ бьетъ лихорадка! Да, матушка, спасибо, не труслива была и не пускала въ даль никакихъ объясненій: прочтетъ бывало тутъ же сестрѣ нравоученіе и все по пріутихнетъ, посадятъ, рабу Божію въ прадѣдовскій рыдванъ и повезутъ въ собраніе «плачь тамъ если угодно!»

Почти что въ это время сталъ ѣздить къ намъ въ деревню мужчина, очень видной, значительной наружности, весь въ крестахъ да въ чинахъ. Онъ былъ тогда уже не молодъ и волосы его слегка засеребрились. Гостя этого, матушка встрѣчала такъ привѣтливо, какъ никого на свѣтѣ; тамъ, ужъ, Богъ одинъ вѣдалъ ея скрытыя цѣли, ну, да минуя ихъ у ней были на это и многія открытыя резонныя причины. Не довелось ей видѣть всѣхъ тѣхъ высокихъ почестей, которыхъ онъ достигъ уже позднѣе въ послѣдствіи, но онъ тогда уже былъ, по связямъ и богатству, замѣчательною личностью, во всей нашей губерніи: служилъ на третій выборъ губернскимъ предводителемъ, да, замѣтьте дворянства того былаго времени, когда и въ нашей братьи тузъ пошибалъ туза.

Имѣніе, гдѣ онъ жилъ, граничило съ заставою: кто только въ городъ ввалится, все къ нему, да къ нему. А у него тамъ лѣтомъ и травли, и гулянья, и воздушный театръ и два оркестра музыки, чего тамъ только не было, въ этомъ земномъ раю? Ужъ, нечего сказать, гдѣ только нужно было, ничего не жалѣлъ, кидалъ горстями золото! Вообще, что тутъ разсказывать, былъ человѣкъ прозорливый и тонкій дипломатъ, отъ головы до пятокъ.

Онъ ѣздилъ къ намъ, сначала такъ просто на правахъ хорошо знакомаго и, хотя и оказывалъ сестрѣ моей вниманіе, но смотрѣлъ на нее почти какъ на ребенка: привозилъ ей конфекты, блестящія бездѣлки и, даже, поощряя въ ней женское тщеславіе, убѣдилъ мою матушку на многія реформы въ ея бальныхъ нарядахъ; потомъ, дождавшись времени, онъ сдѣлалъ предложеніе и получилъ согласіе, хоть то и другое обошлось въ духѣ матушки, безъ свѣдѣнія сестры. Когда все дѣло было рѣшено и положено и день вѣнца назначенъ, ей объ

немъ объявили наровнѣ со всѣми прочими, но покойница матушка и тутъ напослѣдяхъ не выдала себя и, роясь въ сундукахъ разсуждала съ Кузминичной: «умѣнъ Андрей Ѳедоровичъ, человѣкъ рѣдкихъ свойствъ, а вѣдь вздумалъ же выбрать подобную супругу; гдѣ ей быть предводительшею? что, дрянь еще, дѣвченка, одни только наряды да плясы на умѣ»! Ну, да, какъ бы тамъ не было, а тщеславью матушки льстилъ сильно этотъ зять и блескъ его крестовъ и его предводительства.

Сестра была обвѣнчана, а года черезъ три, она уже разсталась съ блистательнымъ супругомъ и съ дѣтьми переѣхала на житье въ Петербургъ, гдѣ жила очень скромно небольшими доходами съ приданаго имѣнія; изъ имѣнія же мужа, изъ всего его золота, къ чести ея будь сказано, не взяла ни копѣйки: все бросила съ презрѣніемъ во власть смуглой танцовщицы, на которую онъ, прости его Господи, такъ скоро промѣнялъ ее, мою голубку!

Сестра давно ушла отъ всѣхъ страданій жизни, отъ яда всѣхъ клеветъ, которымъ свѣтъ преслѣдуетъ положеніе женщины молодой и хорошенькой и поставленной въ обществѣ безъ всякаго прикрытія, кромѣ долга да совѣсти да всѣ знанія Божьяго и лежитъ въ уголкѣ, въ мирѣ одной пустыни подъ мраморною плитою, съ простою надъ ней надписью: нашей доброй матери! такого-то года, такого-то числа.

Съ легкой руки сестры, женился тутъ же вскорѣ Николай самый старшій изъ всѣхъ моихъ братьевъ, а тутъ второй Василій, соблазнившись» примѣромъ, ошеломилъ всѣхъ насъ женитьбой, по любви на смоленской дворянкѣ. Судьбой было назначено, чтобъ матушкѣ не знать ни покоя, ни отдыха со дня вступленія въ домъ фран-

цуженки Меіу. Братья вышли въ отставку, пришлось ихъ отдѣлить. Отецъ теперь подавно ни во что не мѣшался, поотсталъ отъ газеты, только курилъ по прежнему и все на прежнемъ мѣстѣ. Пришлось все ей одной придумать и устроить. А тутъ еще невѣстки прибавили хлопотъ: со второй у нея шли еще кое-какъ лады; хоть покойница матушка называла ее понурою и молчуньею, на томъ же все кончалось: бабенка была скромная, не непривыкла къ холѣ, ну и любила въ братѣ все близкое ему; но жена Николая приводила рѣшительно покойницу въ отчаяніе и своимъ направленіемъ, и рѣшительною смѣлостію, съ какою защищала современныя мнѣнія, противъ крѣпкихъ повѣрій и понятій старушки; защиту эту матушка считала вольнодумствомъ, прямой дорожкою въ ссылку и, слушая невѣстку, говорила съ глубокимъ, сердечнымъ убѣжденіемъ: «нѣтъ не минетъ острога и мужа-то погубитъ. Да ему такъ и надобно: самъ распустилъ поводья, такъ самъ и отвѣчай»!

Сильно тоже коробила глаза моей покойницы манера обращенія невѣстки съ ея мужемъ, а главное привычка и въ русскомъ разговорѣ коверкать его имя, на французскій манеръ:

«Какой онъ Nicolas, говаривала матушка съ живымъ негодованіемъ, онъ цѣлый Николай, ей бы его и по батюшкѣ и то-бъ не грѣхъ назвать! Ну, тамъ въ спальной своей, зови его, какъ хочешь, ну, да при всѣхъ-то разница: ни къ чину, ни къ сложенію, ни къ чему не пристало, да и усы-то такіе страшные отпустилъ; какъ она не фини, за него даже совѣстно, да просто неприлично!»

Не знаю, какъ бы сладила покойница матушка съ моей третьей невѣсткой? За грѣхи видно, Богъ не привелъ

ей дождаться счастья, видѣть женатымъ, а главное въ отставкѣ меньшаго и любимаго изъ всѣхъ сыновей! По странному, въ самомъ дѣлѣ, сцѣпленью обстоятельствъ, братъ Michel продолжалъ все служить и служить и взбираться по лѣстницѣ, ведущей въ генеральство. Ужъ много лѣтъ спустя, послѣ кончины матушки, онъ женился на бѣленькой и хорошенькой куколкѣ, служившей украшеніемъ гостинной ея гордаго и пузыремъ раздутаго отца–аристократа.

Теперь, когда сказала о нихъ все то, что нужно, приходится приняться за собственный романъ, хоть, по правдѣ сказать, куда какъ не хотѣлось бы поднимать эту старую, старинную исторію, теперь, когда и сердце сжилось съ иною долею, и слово-то любовь звучитъ ужъ какъ-то странно, и на носу очки, и на умѣ не то!

Усадьбы, моихъ братьевъ, совсѣмъ уже отстроились здѣсь же, ввиду, въ селѣ, на двухъ большихъ буграхъ, съ неизбѣжною свитою вновь разбитыхъ садовъ и, братья мои, съ женами, дѣтьми и домочадцами стали жить поживать, какъ тамъ, кому хотѣлось, сгоряча принялись хозяйничать на славу, ну и видались рѣдко, развѣ только по праздникамъ, да и то невсегда. Нашъ старый, мрачный домъ, замѣтно опустѣлъ, и сталъ еще угрюмѣе, чѣмъ въ то былое время, когда я и сестра жили въ немъ подъ грозою, давно умершей няни, подъ гулъ чтенія Ѳени и сказокъ старой Власьевны. И онъ, и въ немъ живущіе шли быстро къ разрушенію: отецъ былъ старъ и слабъ, Меіу, у насъ ужъ не было; послѣ свадьбы сестры покойница матушка отпустила ее, давши ей, сверхъ условнаго, широкій ткацкій холстъ и 100 рублей награды, вѣрнѣе всего за то, что она во время не сдѣлала поджога, не учинила даже и тѣни

мятежа. Да, Меіу, что ей дѣлалось? одобреніе матушки открыло ей дорогу во всѣ дома въ уѣздѣ, всѣ на расхватъ тащили, какъ право уцѣлѣла, со временемъ еще открыла пансіонъ. Степанида Петровна замѣтно измѣнилась; крещенскій снѣгъ сѣдинъ такъ убѣлилъ ей голову, что всѣмъ былымъ причудамъ пришлось сказать прости! И самая Кузминична, и та–то поздалась и все смотрѣла вонъ изъ хлопотливой должности на отдыхъ да на печь. А бабушка моя, хоть еще жила, но въ чертахъ исхудалаго, прозрачнаго лица, было что-то холодное и страшно неподвижное, какъ въ чертахъ мертвеца; одна только матушка еще ходила козыремъ, ну, да она, пожалуй, за полчаса до кончины, отходную прослушала, все стоя на ногахъ. Я осталась единственнымъ существомъ въ нашемъ домѣ, полнымъ жизни и силы въ толпѣ живыхъ развалинъ и остововъ былаго.

Конечно, моя доля, при такой обстановкѣ, была не такъ завидна и вовсе тяжела, но меня съ нею мирили: вопервыхъ совершенное незнаніе другой, во-вторыхъ и привычка безпрестанной натяжки, въ которой протекло мое былое дѣтство, да и не одно оно! Покойница матушка и тутъ-то продолжала держать меня на привязи безусловной покорности всѣмъ ея убѣжденіямъ, морила цѣлый день за срочною работою и въ высокую милость, вмѣняла мнѣ въ обязанность, замѣнить ея глазъ, при солкѣ огурцовъ или другой подѣлкѣ, такой же крайней важности. Да и самая молодость, чего она не скраситъ своими золотыми и радужными снами?Подавленная мрачностью лицъ, меня окружающихъ, врожденная моя безпечность и веселость брали верхъ надъ всѣмъ прочимъ, какъ только скоро вырвавшись на просторъ и на волю, я теряла изъ виду, а вмѣстѣ и изъ мысли нашъ ста-

рый, мрачный домъ. Живая, беззаботная, какъ рѣзвая ласточка, лечу стрѣлою бывало, вдоль вѣковыхъ аллей необъятнаго сада или въ кленовый лѣсъ, чернѣвшій темною тучею на сѣверѣ села.

Такъ или почти такъ шло долго мое время, разнообразясь изрѣдка размѣномъ посѣщеній съ деревенскимъ сосѣдствомъ и еще того рѣже, поѣздкою на недѣлю въ весь блескъ и роскошь жизни, скрывавшія страданія, въ которыхъ изнывало сердце бѣдной сестры; да оттуда бывало унесешь каждый разъ томительное чувство: не уѣзжать ужъ лучше бы изъ угрюмаго дома, отъ этихъ мрачныхъ лицъ!

Въ послѣдніе два года, ко мнѣ взвалили на руки еще одну обязанность, довольно хлопотливую: покойному отцу попзмѣнило зрѣніе, такъ мнѣ пришлось вести его корреспонденцію, читать ему всѣ письма и подъ его диктовку, писать на нихъ отвѣты; а самъ-то онъ бывало подпишетъ только имя, да выставитъ число, замѣтивши не разъ мою неаккуратность въ этомъ пунктѣ, столь важномъ въ понятіяхъ старика.

Разъ въ числѣ еще многихъ, пересланныхъ къ намъ съ почтою, мнѣ попалось письмо съ незнакомымъ мнѣ почеркомъ и съ петербургскимъ штемпелемъ: оно было отъ стараго сослуживца отца, такого-жъ какъ и онъ генерала въ отставкѣ, по роду-то француза, но съ молода вступившаго въ нашу русскую службу. Послѣднею связью съ дальнею, полу-забытою родиною, былъ въ старомъ генералѣ его католицизмъ; во всемъ же остальномъ, онъ давно ужъ былъ русскій въ обширномъ смыслѣ слова.

Въ концѣ всѣхъ изліяній своихъ дружескихъ чувствъ къ покойному отцу, генералъ Д... писалъ «что сынъ

его Эмиль, служащій при посольствѣ, ѣдетъ на лѣто въ Крымъ и проѣздомъ туда заѣдетъ къ намъ въ деревню и передастъ отцу тѣ разныя подробности, которыхъ всѣхъ въ письмѣ изложить невозможно. А тамъ, какъ знать, что будетъ? продолжалъ генералъ. У тебя есть невѣста, да и Эмилю пора остепениться! Приглянутся другъ другу, гони ихъ подъ вѣнецъ! А я впередъ согласенъ, я ужъ сказалъ Эмилю, что я умру покойно, если Богу угодно исполнить эту давнюю, задушевную мысль.»

Такъ почти въ этомъ родѣ шло до послѣдней строчки все письмо старика: въ концѣ его еще разъ подтверждалось, что Эмиль будетъ вскорѣ, тутъ же вслѣдъ за письмомъ.

Ну, вотъ тебѣ женихъ! воскликнулъ мой отецъ, съ чистосердечною радостію. Какого-жъ еще надобно? Но матери ни слова: она зла на французовъ. Пусть ужъ прежде пріѣдетъ, въ троемъ-то мы ее скорѣе уломаемъ.

Вообще ужъ въ эти годы, чувство отца къ женѣ перешло постепенно въ какую-то невольную, ребяческую робость: она однимъ возгласомъ творила изъ него все, что только хотѣла.

Согласно съ волею батюшки, покойница узнала только то объ Эмилѣ, что онъ, проѣздомъ въ Крымъ, заѣдетъ къ намъ въ деревню: за то ужъ покосилась. А денька черезъ три дорожный экипажъ въѣзжалъ легкою рысью въ парадные ворота и отецъ мой, забывши и старость и суровость, еще въ прихожей встрѣтилъ и почти со слезами прижалъ крѣпко къ груди сына своего стараго соратника и друга: даже мрачныя брови какъ-будто пораздвинулись!

Пришлось бы мнѣ тогда описывать Эмиля, такъ на вечеръ бы стало его глазъ, да волосъ, да всѣхъ его дѣйствительныхъ и мнимыхъ совершенствъ! Но теперь я смотрю холоднымъ взглядомъ старости на кумиръ прежнихъ дней и скажу очень просто, что Эмиль былъ прекрасный, молодой человѣкъ, высокій, очень стройный, что въ манерахъ его было много изящества и что въ опроверженіе той быстроты и живости, которую условились признавать отличительною чертою его націи, въ движеніяхъ Эмиля была замѣтна медленность, какая-то обдуманность, даже въ глазахъ Эмиля, большихъ и черныхъ просвѣчивало что-то полу-грустное, будто строгое. Въ обращеніи Эмиль былъ простъ и очень вѣжливъ, но вѣжливость его въ отношеніи къ отцу оттѣнялась слегка выраженіемъ почтительной, почти сыновней ласки. Ну, да оно понятно: отецъ натолковалъ да и старикъ ласкалъ, какъ еще не ласкалъ никого въ своей жизни. Въ отношеніи матушки онъ прямо былъ поставленъ въ положеніе неловкое и даже щекотливое: она, при первой встрѣчѣ, прикрылась выраженіемъ привычнаго сарказма, да такъ съ нимъ и осталась, а я? Да нѣтъ, избавьте, отъ скуки промежутка съ извѣстнаго начала къ извѣстному концу: я, какъ и вѣчно водится и въ жизни и въ романѣ, полюбила Эмиля тутъ же съ перваго взгляда и не прошло часа, какъ онъ сидѣлъ въ гостиной, а ужъ жизнь безъ него казалась мнѣ пуста и просто невозможна!

А впрочемъ, какъ подумаю, да припомню все бывшее, такъ въ этой безсмысленной, ребяческой любви крылся корень разумнаго, самобытнаго чувства.

Прошло нѣсколько дней по пріѣздѣ Эмиля, онъ так-

же какъ въ началѣ, проводилъ свое время съ глаза на глазъ съ отцомъ: со мною, кромѣ размѣна ежедневныхъ привѣтствій, видался очень рѣдко и только за обѣдомъ: другихъ пунктовъ сближенія между нами и не было и быть не могло; мѣшало и тогдашнее воззрѣніе на приличіе и покойница матушка, тамъ съ умысломъ или нѣтъ, тутъ какъ на грѣхъ задумала посвящать меня въ таинства надворнаго хозяйства: развѣ темныя сумерки вгонятъ только домой. Объ Эмилѣ она упоминала рѣдко: бывало къ приказанію прибавить что нибудь изъ кушанья на ужинъ, обмолвится порою: «французишка, какъ видно, здѣсь на вѣки поселился!»

Но не смотря на все, мы оба уже знали, то-есть я и Эмиль, что нравились другъ другу.

Разъ, тутъ же скоро вечеромъ, меня позвали къ батюшкѣ: онъ былъ одинъ въ гостиной и, когда я взошла, сказалъ онъ мнѣ очень просто: Эмиль за тебя сватается, такъ я хотѣлъ услышать, что ты на это скажешь? Мой отвѣтъ онъ уже знаетъ и, если ты согласна, то я пожалуй, нынче же поговорю со старухою. Что-жъ долго раздумывать, скорѣе, да или нѣтъ! Ну, говори же, Маша!

— Отвѣтъ мой вы, конечно, безъ труда угадаете.

— А вотъ теперь послушаемъ, что запоетъ намъ бабушка! заключилъ мой отецъ.

Вообще старикъ разсчитывалъ, что вѣсъ да и богатство его стараго друга убѣдятъ мою матушку простить его Эмилю весь ужасъ преступленія родиться отъ француза. Да что и всѣ разсчеты съ характеромъ такимъ,

какимъ онъ былъ у матушки? Еще другое дѣло, будь у Авдотьи Павловны не замужнія дочери, да подвернись французъ, да получи онъ руку какой нибудь изъ нихъ, то со мною и съ Эмилемъ навѣрно повторилась бы исторія Меіу. Но дочери сосѣдки всѣ уже были замужемъ, всѣ четыре за русскими, да ближними сосѣдями, хоть всѣ они не стоили и волоска Эмиля и дѣло приняло другой видъ, другой ходъ!

Не прерывая, слушала покойница матушка объясненіе отца, пока съ дружбы родителей, оно вдругъ не свернуло на сватовство дѣтей. Ужъ тутъ-то закипѣло въ старухѣ ретивое и черные глаза сверкнули въ своихъ впадинахъ, какъ два горящихъ угля!

Нѣтъ, сказала она съ глухимъ негодованіемъ, я дочери моей не отдамъ за француза: съ меня Меіу довольно! И какъ подумать смѣли, что я впущу въ семейство бродягу, иновѣрца.... Да что мнѣ его вѣсъ и всё его богатство: я знать ихъ не хочу и своего довольно: на правнуковъ достанетъ и тѣ не проживутъ. И хорошо богатство? Душъ даже нѣтъ за нимъ.... Одна только своя и та не православная! Вы отжили разсудокъ, такъ я же вамъ скажу: не бывать этой свадьбы! Не дамъ благословенія, отрекусь и отъ дочери и отъ ея потомства, умру, а не прощу! Вотъ вы теперь и ладьте и сватайте её хоть за двадцать французовъ: мнѣ тутъ мѣшаться нечего, я сказала свое!

Яркая звѣздочка моей первой любви, какъ она быстро зажглась и затмилась!

На другое же утро экипажъ увозившій Эмиля въ далекій путь, выѣзжалъ легкою рысью опять въ тѣ же во-

рота, отецъ стоялъ безъ шапки и съ крыльца всё крестилъ, да крестилъ его вслѣдъ, а я, ввиду моихъ не забывшихся надеждъ понимала одно: что онъ ѣдетъ отъ насъ, что онъ на вѣки ѣдетъ, прекрасный мой Эмиль!

Въ тотъ же день ввечеру покойница матушка отслужила молебенъ съ водосвятіемъ и съ тѣхъ поръ объ Эмилѣ не стало и помина въ угрюмомъ нашемъ домѣ, какъ будто бы его не было, какъ будто это сватовство пригрезилось во снѣ!

Какъ не медленно и не грустно шло, да тянулось время, а право, не замѣтила, какъ еще два прибавилось къ прожитымъ ужъ годамъ. Въ это самое время, отецъ вашъ, заключивши служебную карьеру, поселился въ деревнѣ, не вдалекѣ отъ насъ. Не знаю, сколько времени онъ жилъ на новомъ мѣстѣ, все заводясь и стараясь, какъ вдругъ вѣсть объ опасной болѣзни его матери заставила его все кинуть и стремглавъ скакать въ губернскій городъ. А путь къ нему лежалъ черезъ имѣніе матушки, осенняя распутица была во всемъ развалѣ, трактъ-то былъ не проѣзжій, изъ лошадей тѣснили, съ большимъ только трудомъ онъ могъ едва добраться до нашего селенія, гдѣ ласкою и угрозою насилу убѣдилъ спѣсиваго прикащика дать тройку лошадей до ближней деревни.

На обратномъ пути, онъ просилъ позволеніе представится матушки; пріѣхалъ въ добрый часъ, пріемъ превзошелъ всѣ его ожиданія, такъ сталъ бывать и чаще.

Я была не дурна; приданое мое, по всеобщимъ догадкамъ и еще меня лучше, ну, да и школа матушки

играла тоже роль въ понятіяхъ того, кто бы искалъ въ женѣ помогу и хозяйку. Такъ чего еще проще, что отецъ вашъ подумавши, и сдѣлалъ предложеніе конечно прямо матушкѣ: ее ужъ онъ просилъ передать мнѣ тѣ чувства, въ которыхъ онъ конечно прилгалъ на половину.

Ну, вотъ тебѣ женихъ! объявила мнѣ матушка, съ сіяющимъ лицемъ. Какого же надобно? Ни кто нибудь другой а человѣкъ извѣстный: его дѣды то съ нашими еще хлѣбъ-соль водили! И четыреста душъ на полу не валяются! Тутъ долго и раздумывать по моему то нечего!

Но несмотря на все, нескоро я рѣшилась дать роковой отвѣтъ: хоть отецъ вашъ конечно былъ уменъ и хорошъ, хотя любовь къ Эмилю была вообще бѣдна воспоминаніемъ счастья, все же первое чувство жило еще въ душѣ какимъ-то сожалѣніемъ, какою-то непонятною надеждою впередъ. Конечно, пообдумавшись, кое какъ отогнала неотвязныя мысли: не вѣкъ же такъ сидѣть и ждать на зло разсудку чего ужъ не дождаться!

Перекрестясь, рѣшилась и стала подъ вѣнецъ.

День спустя послѣ свадьбы, я съ чувствомъ тихой грусти преклонила колѣни на свѣженькой могилѣ старушки бабушки, приняла вся въ слезахъ благословеніе матери и дряхлаго отца, взглянула еще пристально на всѣ эти предметы, съ которыми теперь такъ стало жаль разстаться: на нашъ угрюмый домъ, на мой тѣнистый садъ и долго еще долго, когда карета выбралась далеко за околицу и быстро покатилась все полемъ между пашнями, я, позабывъ о мужѣ, смотрѣла все обратно въ родимое село, покуда постепенно оно не перешло въ

одну темную массу и слилось наконецъ съ синевою небесъ!

А дальше мой романъ переходитъ въ прескучную избитую исторію: стали жить поживать, да добро проживать, нажитое отцовскими трудами да плечами; все были на авось, покуда и оно не измѣнило намъ, какъ все вообще на свѣтѣ. Ну, да во всякомъ случаѣ не мы втесались первые, да и не мы послѣдніе, а по старой пословицѣ: *на міру смерть красна*!

СНЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

РАЗСКАЗЪ *).

I.

Я родилась въ 18.. году, отецъ мой былъ помѣщикъ степныхъ губерній, владѣлецъ богатаго имѣнія, неумолимый господинъ, передъ которымъ трепетали люди собственные и чужіе и все зависимое и независимое отъ него. Я до сихъ поръ не постигаю того раболѣпнаго уваженія, которое вызывалъ его голосъ на лица людей, превосходящихъ его и вѣсомъ въ свѣтѣ и тѣми правами надменной непреклонности, какія даетъ въ нашемъ свѣтѣ независимое состояніе. Его боялись всѣ безъ разбора и не находилось того, отъ котораго онъ захотѣлъ бы выслушать истину или который, лучше сказать, рѣшился бы высказать ему ее. Это самодовольное убѣжденіе въ собственныхъ достоинствахъ, ни въ комъ и никогда не встрѣчавшее противорѣчія, эти непонятныя угожденія, всѣхъ его окружающихъ, послужили къ развитію въ немъ того властолюбія, кото-

(*) Помѣщенъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ Современникѣ подъ заглавіемъ: *Кто она?* 1852-го года въ Майской книжкѣ.

рое отдалило отъ него сердца всѣхъ его близкихъ. Но нѣтъ правила безъ исключенія и отецъ мой подтвердилъ это. Сохраняя прежнія привычки гордаго самовластія въ отношеніи къ другимъ, онъ покорился, какъ ребенокъ, вліянію матери моей, быть можетъ, самъ не сознавая ея могущества надъ собою. Она? Но описать ее, можетъ статься, труднѣе, нежели уловить неуловимое, опредѣлить неопредѣленное. Въ ней было все и въ ней шли рядомъ и пылкая восторженность и ледяное безчувствіе, и ангельская доброта и кровавая мстительность, и теплое участіе къ страданію и холодная насмѣшка надъ страждущимъ. Доктора называли ее женщиною нервною, знакомые разумѣли ее жертвою желѣзнаго нрава отца, мы же, близкіе ея, не могли никогда постигнуть ее вполнѣ, убѣдившись на опытѣ въ несправедливости о ней приговора и свѣта и докторовъ. Однако же въ характерѣ ея, если только можно назвать характеромъ эту смѣсь всѣхъ возможныхъ крайностей, всѣхъ возможныхъ противоположностей, преобладала надъ всѣми другими одна отличительная черта и черта эта заключалась въ безпредѣльной гордости знатнаго рода и въ постоянномъ желаніи исключительнаго возвышенія надъ всѣми, послужившимъ ей поводомъ ко многимъ заблужденіямъ ея бурной жизни!

Вліяніе этого двойнаго самолюбія отца и матери отразилось, по необходимости, на моемъ воспитаніи. Считаю безполезнымъ объяснять читателямъ, что если образованіе нашло себѣ приверженцевъ даже въ нѣдрахъ закоснѣлыхъ обществъ, то во сколько разъ сильнѣе должно оно было найти отголосокъ въ возвышенномъ умѣ моей матери? Но и въ этомъ случаѣ, она не захотѣла идти по избитой стезѣ и довольствоваться тѣмъ,

чѣмъ довольствуются многіе. Эта роковая наклонность была причиною моего неестественнаго направленія въ жизни.

Не размысливъ о трудностяхъ такого предпріятія, изъ меня захотѣли сдѣлать восьмое чудо, незабывъ, что свѣтъ требуетъ золота для подножія его и что если обстановка не соотвѣтствуетъ изяществу произведенія, то и самое произведеніе уже теряетъ блескъ. Есть безпристрастные цѣнители искусства, не подходящіе подъ эту категорію, но ихъ мало, а я говорю объ общей массѣ человѣчества, не объ однихъ только отдѣльныхъ его членахъ.

И такъ, меня учили. Чему? спросите вы. Всему что только можетъ и чего даже не можетъ вмѣстить умъ молодой дѣвушки. Въ моей памяти хранились цѣлые томы историческихъ событій нашего міра, въ ней протекали всѣ рѣки земнаго шара, цвѣли всѣ цвѣты древней и новой поэзіи, блестѣли всѣ звѣзды небеснаго свода, волновались всѣ софизмы новѣйшей философіи. Сердце мое разгорѣлось подъ жгучимъ вліяніемъ французскихъ романовъ. Существенность, нагая существенность не имѣла входа въ мой заколдованный міръ. Горько заплатила она мнѣ за пренебреженіе, когда, увлекши меня въ дѣйствительный міръ фантазіи, она утвердила свое могущество на моихъ разрушенныхъ мечтахъ.

Шли годы, жизнь текла, обильная радужными надеждами счастливой будущности. Я еще не горевала своимъ горемъ и если слезы являлись порою у меня на глазахъ, то это были тихія слезы состраданія къ чужому несчастью, а не тѣ холодныя, свинцовыя слезы, изъ которыхъ каждая ложится въ душу камнемъ и которымъ впослѣдствіи научила меня жизнь. Пока я жила въ бле-

скѣ роскоши и въ упоеніи моихъ блаженныхъ сновъ, червь опыта подкрадывался къ цвѣтку моего счастія, скрытный, незамѣтный, какъ тайный врагъ. Главная ошибка моихъ родителей состояла именно въ совершенномъ отчужденіи меня отъ дѣйствительной жизни, которая должна по закону природы, рано ли, поздно ли, вступить въ свои права. Думали ли они въ ослѣпленіи гордости, что законъ этотъ потеряетъ привычную силу въ отношеніи ко мнѣ или обольщали себя несбыточною мечтою устранить отъ меня навсегда всякую заботу и всякое горе, только они никогда не напоминали мнѣ, что счастіе можетъ улетѣть, что жизненный путь тѣсенъ и труденъ, что на землѣ, какъ и на небѣ, не всегда свѣтитъ солнце и что страсти разрушаютъ сердечный міръ, какъ тучи помрачаютъ лазурь небесъ, съ тою только разницею, что небо ярче голубѣетъ послѣ невзгоды, а сердце, побывшее въ тискахъ страстей и жизни, ужъ не въ силахъ воскреснуть къ прежнему счастью!

Когда увядали цвѣты въ моей комнатѣ, ихъ тотчасъ замѣняли другими цвѣтами душистыми, прекрасными. Я судила о жизни по цвѣтамъ и родители мои не разрушали, а еще нѣкоторымъ образомъ поддерживали меня въ подобномъ заблужденіи. Я должна, впрочемъ, сознаться, что сами-то они принадлежали къ разряду тѣхъ людей, которые охотно надѣваютъ повязку на глаза, чтобы не знать минуты, когда ихъ свергнутъ въ бездну, блаженные въ ослѣпленіи своемъ, какъ дѣти, которые, испугавшись чего нибудь, закрываютъ глаза въ совершенной увѣренности, что предметъ ужаса ихъ изчезнетъ, какъ взоръ ихъ перестанетъ видѣть его.

Пока мы кружились въ вихрѣ самозабвенія, денежные дѣла моего отца принимали все худшій и худшій оборотъ, долги росли по мѣрѣ увеличивающейся роскоши, кредиторы становились все безотвязнѣе и все взыскательнѣе. Имъ не платили и потому что maman благоразумно замѣчала, что кредиторъ, которому ничего не платятъ только просто кредиторъ, а тотъ, которому отдадутъ хоть копѣйку, превращается тотчасъ въ кровожаднаго тигра и потому, что для этого нужно было ограничить безумныя издержки, а maman не боялась ничего въ мірѣ такъ, какъ возможности уронить себя въ мнѣніи свѣта. Отецъ мой кричалъ, грозилъ, требовалъ благоразумной расчетливости, но, по обыкновенію, смирялся передъ непреложностью доводовъ матери моей и гнѣвъ его, по какому-то странному случаю обращался съ новою силою на докучливыхъ кредиторовъ, осмѣлившихся нарушить его домашній міръ и не понять, что нельзя же *ему* отвыкнуть отъ шампанскаго, замѣнить благородный Іоганисбергъ презрѣнною наливкою и свѣжія устрицы жареными цыплятами съ деревенскаго птичнаго двора. Противъ этого возмутилось бы и его самолюбіе, возсталъ бы и его изнѣженный желудокъ. И причиною всѣхъ этихъ страшныхъ переворотовъ были бы жалкія созданія, которыхъ онъ удостоивалъ чести служить ему? Никогда! повторялъ онъ, въ пылу негодованія; никогда! вторила ему моя мать, поднося ему огромный списокъ издержекъ, налагаемыхъ на нее самовластіемъ моды и жизнь шла впередъ привычнымъ путемъ.

Все шло, казалось, какъ оно шло и прежде: отецъ мой былъ еще все тотъ же владѣлецъ огромнаго имѣнія, все тотъ же знатный баринъ, тотъ же надменный аристократъ, но наша шумная и роскошная жизнь уже рав-

нялась блестящей маскѣ на голомъ черепѣ мертвеца. Свѣтъ еще не видалъ, но угадывалъ его, разница между прошедшимъ и настоящимъ была невелика, но она была: она проглядывала и въ чуть-чуть замѣтномъ пониженіи голоса моего отца и въ легкомъ оттѣнкѣ холодности въ обращеніи съ нимъ его друзей.

Прошло еще нѣсколько времени и казалось, одинъ отецъ не зналъ, что уже знали прочіе, онъ одинъ не видалъ, или не хотѣлъ видѣть всѣхъ зловѣщихъ признаковъ своего разоренія: и шопота при входѣ, и полуулыбокъ, и сострадательнаго пожатія плечъ и всей этой тяжести людскихъ, взоровъ, остановившихся на немъ.

Воронъ почувствовалъ мертвое тѣло, свѣтъ предугадалъ новую пищу для своего злословія. Странное и жалкое созданіе человѣкъ онъ радуется несчастію другаго, не замѣчая руки протянувшейся уже къ его плечу, чтобъ и его низвергнуть туда же, въ ту же бездну. Таковъ законъ природы: паденіе одного очищаетъ путь другому и тяжелые стоны умирающаго теряются въ побѣдномъ крикѣ новорожденнаго. Всѣ мы живемъ среди могилъ и строимъ наши замыслы надъ грудами тлѣнія, забывая, что мы пройдемъ, какъ тѣ, что были и какъ и тѣмъ что будутъ назначено пройти.

Эти битвы съ судьбою, эта скрытая, но кровавая драма разоренія совершались въ глазахъ монхъ, незамѣченныя мною и уже много лѣтъ спустя, когда разсудокъ вступилъ въ свои права и бросилъ яркій свѣтъ на все мое прошлое, ужъ тогда только поняла я ее какъ поняла и ложное мое направленіе и гордость моей матери. Свѣтъ былъ ей необходимъ, какъ воздухъ, какъ пища и его законы стояли для нее выше всѣхъ остальныхъ. Она не могла постигнуть жизни скромной, уеди-

нешной, она бы угасла вдали этого свѣта, окружавшаго ее лестью и поклоненіемъ отъ ея дѣтскихъ лѣтъ. Но горько заплатилъ онъ ей за всю ея привязанность. Вмѣстѣ съ золотомъ отошли отъ нее и его хвалы и его упоенія и ея многочисленныя друзья.

Бываютъ въ жизни минуты равняющіяся вѣкамъ тяжелаго и горя мгновенно уничтожающія все зданіе счастья, съ трудомъ воздвигаемое въ теченіе многихъ лѣтъ. Такую минуту пережила и мать, когда извѣстіе объ окончательномъ разстройствѣ нашихъ дѣлъ, настигло ее, какъ громовой ударъ, посреди роскошнаго пира свѣтской жизни. Волосы ея побѣлѣли, но гордость взяла верхъ надъ разбитымъ мужествомъ и скрыла глубокія раны улыбкою равнодушія. Что было въ душѣ ея когда она прощалась съ этою жизнью, въ которой родилась и возросла она и съ этими соперницами, которыхъ она такъ долго подавляла достоинствомъ пріемовъ и роскошью пировъ? Что дѣлалось въ душѣ, то вѣдалъ одинъ Богъ, но люди могли видѣть одно ея лицо и лицо это ни однимъ мускуломъ не обнаружило внутреннихъ бурь. Спокойно сѣла она въ дорожную карету, поклонилась съ достоинствомъ всѣмъ стоящимъ вокругъ и отчаянный вопль ея, когда карета двинулась, потерялся въ шумѣ колесъ, уносящихъ насъ въ глушь Украинскихъ степей!

II.

Хороша она, семейная жизнь, когда союзъ двухъ лицъ основанъ на взаимномъ и прочномъ уваженіи, когда размолвки, распри бываютъ въ немъ случайностью а не привычнымъ дѣломъ и жизнь идетъ впередъ, разнообразясь изрѣдка горями да заботами. Но что найдетъ въ

ней тотъ, для кого его домъ былъ вѣчно чуждымъ міромъ, кто не сберегъ въ немъ ничего для себя на преклонные годы; никакой привязанности на время общаго отчужденія? Какъ сблизиться съ лицами, почти ему чужими и стать идти съ ними одною дорогою, прошедши почти жизнь по различнымъ путямъ? Въ такое-жъ положеніе повергласъ моя мать, когда сила обстоятельствъ, столкнувъ ее насильно съ избраннаго ею пути, заключила ее въ тѣсный кругъ деревенской жизни и поставила ее лицомъ къ лицу съ моимъ отцомъ. Прошло уже то время, когда вмѣстная жизнь могла бы принесть пользу и имъ собственно и будущности ихъ дѣтей. Отдѣльный характеръ каждаго изъ нихъ образовался вдали ихъ другъ отъ друга и несмотря на общую имъ черту властолюбія, они во всемъ разнились, не исключая даже того же властолюбія, такъ сильнаго въ обоихъ: въ немъ оно было матеріяльно и прямо бросалось вамъ въ глаза; ея же властолюбіе было чисто-нравственное и невидимо налагало иго своей воли на всѣхъ и на все!

И вотъ судьба столкнула ихъ въ ту самую минуту, когда горькая его раздражительность достигла высшаго пароксизма силы, когда горькія ея сожалѣнія о погибшемъ для нее свѣтѣ провели отпечатокъ безнадежной тоски на ея блѣдномъ, поникшемъ челѣ, когда оба они сознали, можетъ быть, ошибку цѣлой жизни и горькими укорами старались заглушить, что не хотѣло глохнуть!

Мнѣ было въ это время уже пятнадцать лѣтъ. Мое умственное образованіе приходило къ концу, образованіе сердца еще не начиналось. Я составила о жизни чудное мнѣніе, такое именно, какое можно составить, не зная ее. Я мечтала о любви вѣчной, всемогущей, готовой и на

позоръ и на преступленіе для того, кому первому отдала-бъ мое сердце: я хотѣла быть второю Индіаною для втораго Раймона изъ свѣтскаго круга, въ которомъ проходила до сихъ поръ моя жизнь. Я не любила смотрѣть на гладкую поверхность озера въ лѣтнее утро и я, подобно Леліи, просила у судьбы бурь душевныхъ, жгучихъ страданій, обвиняя въ то время эту же Лелію въ ея равнодушіи къ любившему ее поэту и обѣщая себѣ не подражать ея ригоризму въ подобныхъ обстоятельствахъ. Я жаждала возможности истощить въ одну минуту всѣ силы душевныя, все блаженство земное. Словомъ жизнь являлась мнѣ непремѣнно такою, какою ее описывалъ послѣдній романъ. Но желѣзная рука судьбы сокрушила мои надменныя мечтанія и вызвала меня на поприще существенныхъ страданій, такъ дерзко вызываемыхъ мною на бой!

Разрушаясь въ скукѣ деревенской жизни, здоровье моей матери слабѣло съ каждымъ днемъ. Она еще скрывала свои страданія и отъ равнодушныхъ глазъ людей постороннихъ и отъ недальновидной нѣжности моего отца, но опасный недугъ провелъ въ ея чертахъ разрушительный слѣдъ и взоръ ея часто обращался ко мнѣ съ тѣмъ тревожнымъ вниманіемъ, котораго я объяснить не умѣла, но въ которомъ конечно выражалась забота объ участи, которая ожидала меня въ глуши неизвѣстности, подъ жосткою и упрямою властью отца. Еще здѣсь, на краю могилы, гордость пересилила въ ней любовь и самолюбіе свѣтской женщины подавило горесть матери, оставляющей дочь на произволъ всѣмъ превратностямъ жизни.

Но ужъ судьба заботилась дать мнѣ точку опоры: эта

точка опоры представилась мнѣ во особѣ жениха, черноглазаго, стройнаго молодаго поручика.

Не будь мы въ такомъ стѣсненномъ положеніи, то я почти увѣрена, что родители мои съ гордостью отвергли бы предложеніе моего жениха. Но наши обстоятельства были въ страшномъ упадкѣ: онъ же кромѣ руки моей ничего не просилъ, не зная вѣроятно, что какъ ни жалокъ этотъ металлъ, а все-жъ онъ былъ и будетъ первымъ условіемъ счастія, однимъ изъ главныхъ правъ на уваженіе къ намъ людей. Люди всѣ болѣе или менѣе эгоисты и, сами того не замѣчая, отворачиваются отъ того кто не можетъ предложить имъ ничего, исключая безплоднаго и ни на что не нужнаго имъ расположенія. Мой женихъ не понималъ всемогущества денегъ: его молодость была его оправданіемъ въ этомъ, въ наши времена почти непзвинительномъ заблужденіи. Отецъ не могъ мнѣ дать ничего въ настоящемъ, но вполнѣ понимая, что надежда на блага есть почти утѣшеніе въ отсутствіи ихъ и что многіе переживаютъ длинные годы трудовъ и бѣдности, поддерживаемые пріятнымъ ожиданіемъ будущаго богатства, онъ не поскупился на обѣщанія, прочитавъ намъ при этомъ пространную нотацію о благодарности, которою обязывало насъ подобное вниманіе къ участи нашей.

Насъ обручили, и я произнесла клятву въ вѣчной любви и вѣрности тому, кому отдавала навѣки мою волю, не подозрѣвая всей ломкости клятвъ, всей переходчивости любви въ сердцахъ болѣе твердыхъ, чѣмъ было мое сердце, и я сдѣлалась невѣстою, не понимая серьезнаго значенія этого слова, подъ которымъ свѣтъ разумѣетъ обыкновенно выѣзды, балы, наряды, право на минутное вниманіе людей.

Слово *женихъ*, могущественное слово для людей у которыхъ взрослая дочь и вдобавокъ еще пустой кошелекъ, такъ неудивительно, что мать моя старалась поскорѣе подрѣзать крылья рѣзвому мотыльку и отнять у него возможность къ полету, заключивши его въ безвыходныя границы брачныхъ узъ. Но какъ излишняя поспѣшность могла бы обнаружить слишкомъ сильное желаніе сбыть меня съ рукъ и, поставивъ ее на ряду съ тѣмъ множествомъ маменекъ, такъ открыто вѣшающихъ своихъ дочерей на шеи еще вовсе недумавшихъ гнуться подъ брачнымъ ярмомъ, унизить ее въ мнѣніи свѣта, то изобрѣтательный ея умъ мигомъ предупредилъ всѣ толки по поводу столь поспѣшнаго брака: слабое здоровье матери было самымъ приличнымъ, благовиднымъ предлогомъ.

Важность ожидаемаго событія отразилась на всемъ нашемъ домашнемъ быту: стекла не дрожали уже отъ повелительнаго голоса моего отца; размолвки между родителями смолкли или продолжались уже въ тѣни ночной, словомъ, жизнь нашу повернули къ моему жениху ея красивою стороною и приберегли ея изнанку уже для моего мужа. А впрочемъ, какъ подумаешь, то гдѣ-жъ бываетъ иначе?

Время быстро неслось и день моей свадьбы незамѣтно насталъ.

Я стояла поутру въ моей комнатѣ, любуясь воздушнымъ, подвѣнечнымъ платьемъ, когда меня позвали въ комнаты матери. Тутъ ожидалъ меня цѣлый рядъ наставленій! Maman говорила мнѣ о приличіяхъ свѣта, о важности и непреложности его законовъ, объ уваженіи къ его мнѣнію, коснулась слегка сердца и нравственныхъ правилъ и приказа мнѣ начать мой туалетъ. Я пошла, но, дойдя до дверей, обернулась: тайный голосъ

шепнулъ, что не все еще сказано, что есть что-то повыше свѣтскихъ приличій о чемъ должна я знать и унесть на невѣдомый, предстоящій мнѣ путь. Но maman вопросительно взглянула на меня; я затаила неясную мысль и со вздохомъ пошла подъ вѣнецъ!

III.

Я замужемъ: мужъ меня любитъ; его заботливость устраняетъ отъ меня всякую тѣнь горя и скуки, его родные носятъ меня на рукахъ; нужда припрятала на время свои острые когти, какъ будто щадя мою рѣзвую веселость, жизнь являлась сквозь призму настоящаго блаженства длиннымъ рядомъ свѣтлыхъ дней. Я дышала свободно, какъ птичка, въ пространствѣ небесъ, я забыла всѣ прежнія, безумныя мечтанія подъ упоеньемъ тихаго, безоблачнаго счастія! Но душа человѣка не можетъ наслаждаться нескончаемымъ упоеніемъ; оно рано-ли поздно, а все должно же рушиться, это извѣдалъ всякій и я это извѣдала съ тою разницею, что я разрушила сама свое очарованіе, что тутъ не замѣшались ни люди, ни судьба!

Когда прошли упоенія первыхъ мѣсяцевъ, любовь ко мнѣ мужа сдѣлалась воздерженнѣе, если не въ чувствѣ, то по крайней мѣрѣ въ выраженіи его: его шумная веселость притихла подъ заботою жизни. Онъ былъ честный человѣкъ и вполнѣ понималъ важность принятаго имъ обязательства. При томъ же, не принимая въ разсчетъ обѣщаній родителей, состояніе наше было самое ограниченное. И я недовольная тѣмъ, что предоставила одному только мужу всѣ заботы и хлопоты, вмѣнила въ преступленіе подобную заботливость и именовала холодностью и безчувствіемъ, то теплое, безкорыстное чувство

любви, которое горѣло для меня въ его сердцѣ. Всѣ забытыя бредни прихлынули толпою, я драпировалась въ величественную мантію непризнанной женщины, я стала толковать слова моего мужа совершенно иначе, какъ они были сказаны, я стала зла, капризна!

Теперь когда мое сужденіе образовалось въ школѣ опыта, когда цвѣты фантазіи поблекли подъ дыханіемъ безвыходнаго горя, я поняла, что все несчастіе жизни произошло отъ разлада моего сердца съ умомъ. Сердце летѣло къ мужу, оно его оправдывало, но умъ, наполняемый призраками больнаго воображенія, заглушалъ голосъ сердца и быстро увлекалъ меня на путь погибели. И ни одна рука не протянулась, чтобъ удержать меня надъ бездною. Не нашлось никого кто бы не способствовалъ къ разстройству моего семейнаго счастія и не встрѣтилъ бы торжествующимъ смѣхомъ роковой день паденія моего.

Главою враждебныхъ личностей была дальняя родственница мужа моего. Еслибъ мнѣ пришлось изображать духа-искусителя, я бы ему дала ея черные, блестящіе глаза и ея звучный голосъ. Знаменитая красавица, она вездѣ являлась, сопровождаемая толпою модныхъ львовъ, безчувственная женщина, она не любила ни одного изъ нихъ. Холодно-порочная она преслѣдовала насмѣшкою жертвъ слѣпыхъ увлеченій и вымѣщала на нихъ униженіи то униженіе, отъ котораго не могли ее уберечь ни ея блестящій умъ, ни огромное состояніе, ни безусловное молчаніе ея мужа. Она обладала умѣніемъ отыскивать въ душѣ, раны невѣдомыя и даже ей самой и поселять подозрѣніе, гдѣ его тѣни не было. Словамъ ея еще не вѣрили, но ихъ помнили, а это уже много значитъ въ этой жизни, гдѣ пустое служитъ нерѣдко переходомъ къ важному и подозрѣніе къ убѣжденію.

Родственныя связи сблизили меня съ нею и я поддалась довѣрчиво, какъ ребенокъ, обаятельной прелести ея ума, не внимая предостереженіямъ мужа, хотя не вполнѣ разгадавшаго всѣ свойства этой женщины, но нашедшаго въ душѣ своей предчувствіе ея нерасположенія ко мнѣ и относя эти предостереженія къ желанію отнять у меня единственную отраду, единственное утѣшеніе въ его воображаемой холодности ко мнѣ.

Зоркій глазъ родственницы замѣтилъ скоро облако на небѣ нашей жизни; ей не стоило особенныхъ усилій разгадать мою тайну; я тогда еще не достигла умѣнія закрывать мою душу подъ пытливымъ взоромъ людей, я тутъ же обнаружила передъ хитрымъ врагомъ и всѣ мои сомнѣнія и всѣ мои страданія.

Долго не раздѣляла она моихъ подозрѣній и защищала любовь ко мнѣ мужа, но защищала ее такъ слабо, неудачно, что это оправданіе едва ли не равнялось прямому обвиненію. Обвиненіе это подтверждалъ ея взоръ, ея голосъ звучавшій живымъ, теплымъ участіемъ.

Мало по мало она оставила противорѣчіе моимъ слезамъ и жалобамъ, она уступала, казалось передъ несомнѣнною очевидностію моего несчастія. Подготовивъ меня къ слѣпому довѣрію въ ея слова и въ искренность сочувствія ко мнѣ она начала говорить мнѣ о средствахъ воспламенить угасшую любовь, разогрѣть охлажденное сердце подъ пламенемъ ревности, или гордо забыть неблагодарнаго мужа, забыть любовь отверженную подъ благотворнымъ вліяніемъ новой любви. Будь я въ состояніи понимать что нибудь, я бы могла измѣрить степень моего возрастающаго униженія по той холодности, съ которою я начинала выслушивать эти ложные доводы испорченнаго сердца и думать о возможности привесть въ испол-

неніе предложенныя средства. Но меня поставили бѣднаго ребенка, на распутіи жизни, съ богатымъ запасомъ умственныхъ познаній, но безъ тѣхъ познаній сердца, которыя переданныя ему любящимъ сердцемъ доброй матери, служатъ ему защитою отъ жизни и страстей. И у меня была мать, и эта мать любила меня, какъ могла и умѣла. Принесши и молодость и состояніе въ жертву свѣтскимъ приличіямъ, она передала мнѣ всѣ познанія необходимыя свѣтской женщинѣ. Она часто писала ко мнѣ: ея письма дышали нѣжностію, но въ нихъ проглядывала на каждомъ словѣ тревожная забота: ее страшила мысль, что жизнь семейная заставитъ меня забыть приличія свѣтскія и тѣ блестящіе дары образованія, которые были ея счастіемъ и гордостью. Но слова *долгъ*, *терпѣніе* были забыты въ письмахъ.

И я пошла, куда идутъ многія.

Въ то самое время когда вліяніе моей родственницы покоряло меня съ каждымъ днемъ все сильнѣе, явилось на небосклонѣ нашего общества блестящее свѣтило и передъ нимъ померкли всѣ звѣзды нашего неба, преклонились всѣ львы нашего круга. Этотъ блестящій, свѣтскій молодой человѣкъ былъ братъ моей родственницы. Прошло ужъ много времени со дня, когда я въ первый разъ увидѣла С..., но въ памяти живо воспоминаніе объ этой первой встрѣчѣ, о томъ чувствѣ глубокаго, безотчетнаго ужаса, которымъ тогда забилось мое сердце подъ пристальнымъ взглядомъ его блестящихъ глазъ. Въ этомъ взглядѣ выразилась вся сила его будущаго вліянія на судьбу мою.

Теперь когда очарованіе уже давно изчезло и охлажденное воображеніе снизвело его съ того возвышенія, на которое поставило ослѣпленіе страсти, я не могу

понять въ чемъ состояло его превосходство надъ другими людьми и что преклоняло къ его ногамъ и любовь женщинъ и удивленіе мущинъ? Въ лицѣ его бросались всего больше въ глаза смѣлый взоръ его черныхъ, выразительныхъ глазъ, матовая блѣдность кожи и выраженіе постоянной ироніи на подвижныхъ устахъ. Умъ его былъ остръ и игривъ, голосъ мягокъ и звученъ, какъ голосъ женщины, манеры исполнены непринужденной граціи какою отличаются баловни моды и богатаго состоянія. Но подъ этою нѣжною, изысканною наружностью скрывалось ужъ изсохшее, очерствѣлое сердце. Въ немъ не было чувства, а былъ одинъ разсчетъ, не тотъ узкій разсчетъ матеріальный и денежный, но разсчетъ ума, разсчетъ каждаго слова самаго даже незначительнаго въ устахъ его. Онъ не любилъ сестры своей: два характера равно хитрые, равно проницательные рѣдко, да едва ли когда могутъ встрѣтиться въ дружескомъ чувствѣ. Притомъ же люди эгоисты не могутъ видѣть безъ глубокаго отвращенія эгоизма въ другихъ.

С... увидѣлъ меня. Забилось ли въ самомъ дѣлѣ его сердце подъ свѣжимъ вліяніемъ моей цвѣтущей молодости или хотѣлъ онъ присоединить еще одну побѣду къ своимъ другимъ побѣдамъ? Только нѣмое, краснорѣчивое чувство искренней любви проглядывало ясно и во взорѣ его и въ томъ жадномъ вниманіи, съ которымъ онъ ловилъ и звукъ моего голоса, и самую легкую тѣнь страданія и радости на моемъ лицѣ. Его заботливость составляла рѣзкую противуположность съ холодностью ко мнѣ мужа!

Сравненіе губитъ женщинъ! Я сравнивала, не понимая, что я была единственною и главною причиною такого охлажденія и что никакое чувство не въ силахъ устоять

противъ тоски неясныхъ, нескончаемыхъ упрековъ и заплаканныхъ глазъ и всѣхъ этихъ мелкихъ, безполезныхъ волненій, которыхъ не чужды многія женщины; не понимая, что частый маленькій раздоръ приводитъ наконецъ и къ большому раздору, а вмѣстѣ съ нимъ къ погибели супружескаго счастія.

Я была неопытна какъ дитя, капризна и взыскательна, но я почти увѣрена, что если бы меня оставили вліянію моихъ собственныхъ чувствъ, то сердце бы мое поняло наконецъ все свое заблужденіе и раньше ли, позднѣе ли, но возвратилось бы къ мужу. Но со мною была моя тетка и зорко стерегла и отдаляла случаи сближенія между нами и раздоръ семейный, раздуваемый ею принялъ страшный размѣръ.

С.... съ радостью замѣчалъ глубокую скорбь уязвленнаго самолюбія обозначающуюся съ каждымъ днемъ всё замѣтнѣе на моемъ лицѣ. Онъ удвоилъ, по возможности, свою предупредительную нѣжность, онъ утѣшалъ меня, какъ избалованнаго ребенка и желаніе мести любимому мужу толкнуло меня въ объятія холоднаго, сухаго эгоиста!

Ужъ поздно поняла я безвыходность той бездны въ которую втолкнули меня и мое безразсудство и вліяніе испорченной души порочной женщины. Отчаяніе мое не знало границъ. Тетушка торжествовала: она грѣшная и порочная бросила въ меня первый камень; друзья поднесли мужу вѣсть о моемъ проступкѣ съ насмѣшкою, прикрытою словами участія. Свѣтъ довершилъ начатое: онъ придавилъ всею тяжестію суроваго, пристрастнаго суда. Настоящее, будущность, все сгибло и пропало!

А длиненъ еще былъ предо мною путь жизни, а мнѣ еще не было и восемнадцати лѣтъ!

IV.

Несчастье мое совершилось! Мужъ отвергъ меня; я осталась одна съ грознымъ призракомъ моего проступка. Тяжелое безчувствіе лишило меня памяти всего происшедшаго: это безчувствіе спасло мнѣ жизнь. Холодная и неподвижная, какъ мраморъ, я просиживала дни и ночи безъ сна, безъ пищи, безъ горя, безъ слезъ, не помня, что было, не думая, что будетъ со мною.

Разъ какъ-то однимъ утромъ я сидѣла въ привычномъ состояніи безчувствія; окно было открыто, струи легкаго вѣтра касались моего пылающаго лба, въ умѣ смутно толпились неясныя мысли, это была не жизнь, но ея пробужденіе, не полное сознаніе, но уже шагъ къ нему! И долго, очень долго сидѣла я такъ, припоминая, что-то будто бывшее, но забытое, какъ вдругъ имя мужа сорвалось съ языка среди потока слезъ, я протянула руки къ чему-то промелькнувшему передъ моими взорами и, вспомнивъ вѣроятно ужасную дѣйствительность, безъ чувствъ свалилась на полъ.

Я возвратилась къ жизни, но что она могла доставить мнѣ отнынѣ кромѣ однихъ страданій да безотрадныхъ думъ? Горе, сильное горе, разумѣю я, просвѣщаетъ разсудокъ, если окончательно его не убиваетъ. Оно освѣтило яркимъ лучемъ всѣ мои заблужденія, убѣдило меня въ ничтожествѣ умственныхъ познаній безъ руководства къ нимъ чистаго сердца, безъ свѣтильника въ нихъ Божіей любви; оно мнѣ обнаружило порочность сердца моей родственницы и сухой эгоизмъ блистательнаго С...., раскрыло предо мною всю шаткость убѣжденій этого свѣта, передъ законами котораго учили меня преклоняться съ покорностію отъ самыхъ раннихъ лѣтъ,

этого свѣта, который клеймитъ однимъ тѣмъ же презрѣніемъ и преступленіе и часто простое заблужденіе, а иногда послѣднее еще сильнѣе перваго. Возьмите въ самомъ дѣлѣ: когда ведутъ преступника съ звѣрскимъ лицомъ, со всею рѣшимостію преступленія во впалыхъ глазахъ, не найдется того, кто бы не проводилъ его сострадательнымъ восклицаніемъ: «Несчастный!» Но если въ ту-жъ минуту проходитъ человѣкъ, подавленный сознаніемъ своего быть можетъ единственнаго заблужденія, тотъ же самый сострадательный зритель проводитъ его взоромъ глубокаго презрѣнія и прокричитъ ему вслѣдъ: «по дѣломъ!»

По дѣломъ! говорило обо мнѣ наше общество. Но что былъ голосъ свѣта въ сравненіи съ голосомъ моей собственной совѣсти. Съ тѣхъ поръ какъ одиночество горя раскрыло мнѣ его ошибки и обманы, я вышла изъ подъ прежняго его вліянія надо мною и если моя мысль возвращалась въ него, то потому единственно, что въ немъ оставался оскорбленный мною мужъ.

Всѣ эти волненія, вся эта безутѣшная, глубокая печаль начали по немного оказывать вліяніе на мое прежде крѣпкое, цвѣтущее здоровье. Силы слабѣли, болѣзненная блѣдность покрывала лицо. Тутъ же скоро открылась и нервная горячка и въ нѣсколько дней приблизила меня къ предѣламъ могилы.

Да я, сказать по правдѣ, не жалѣла о жизни. Въ минутные проблески сознанія я съ радостію замѣчала зловѣщіе признаки близкаго разрушенія. Смерть не могла быть для меня, какъ для другихъ чѣмъ-то грознымъ и страшнымъ, она мнѣ являлась, какъ другъ-утѣшитель, какъ конецъ страданіямъ, какъ отдыхъ отъ бурь. Сердце мое, перегорѣвшее въ горнилѣ страданія, загорѣлось

пламенемъ вѣры и Божіей любви, святая заповѣдь прощенія врагамъ подавила въ душѣ всѣ мысли мщенія имъ. Призракъ тетки являлся нерѣдко передъ взорами, холодный и насмѣшливый, но пламенная молитва отгоняла его. Въ сердцѣ не было даже презрѣнія къ этой женщинѣ. Но эти минутные проблески чувствъ съ каждымъ днемъ становились все рѣже и все рѣже и наконецъ исчезли подъ мучительною силою физическихъ страданій?

Была глухая ночь: я проснулась отъ тяжкаго, томительнаго сна. (Я ужъ послѣ узнала, что уже двѣ недѣли жизнь во мнѣ проявлялась однимъ слабымъ, едва лишь примѣтнымъ дыханіемъ). Лампада освѣщала неясно мою комнату: я хотѣла привстать, но голова въ безсиліи упала на подушку и острая въ ней боль привела меня въ чувство. Вся комната быстро кружилась предо мною и я ужъ по прошествіи двухъ или трехъ минутъ могла различить въ углу передъ Распятіемъ неясныя формы молящагося человѣка. Легкое мое движеніе заставило его вздрогнуть и подойти ко мнѣ. Я вскрикнула: передо мною стоялъ мужъ, блѣдный, усталый и обильныя слезы текли по впалымъ щекамъ.

Болѣзнь отняла у меня память всего происшедшаго, въ эту минуту жила только память нашей прежней привязанности: я бросилась въ слезахъ въ открытыя объятія, онъ крѣпко и нѣжно прижалъ меня къ груди!

Когда вѣсть о моей болѣзни коснулась его слуха, онъ тотчасъ же оставилъ уединенную деревню, куда удалился послѣ нашей разлуки. Онъ забылъ во мнѣ жену, отравившую всю жизнь его страданіемъ, онъ только помнилъ женщину, горячо имъ любимую и въ то самое время, когда кровь моя стыла уже подъ ледянымъ ды-

ханіемъ смерти, онъ въ пламенной молитвѣ вымаливалъ прощеніе Господнее и отъ чистаго сердца произносилъ обѣтъ забыть все прошедшее, если только Господь вернетъ меня ему!

Счастіе лучшее средство отъ всѣхъ вообще недуговъ. Я быстро оживала подъ ласками мужа, подъ силою того чувства, которое заставляло его преувеличивать силу надо мною посторонняго вліянія, чтобъ уменьшить во мнѣ мучительное сознаніе моей вины.

Изъ всего этого можете понять, что мужъ мой былъ совсѣмъ не свѣтскій человѣкъ.

Мы поселились въ его дальнемъ имѣніи. Эта жизнь спокойная и уединенная была самымъ лучшимъ лекарствомъ отъ прошедшаго. Я не могла здѣсь встрѣтить ни одного изъ знакомыхъ мнѣ лицъ моей прошедшей жизни. Это отсутствіе всякихъ столкновеній со свѣтомъ давало мнѣ возможность обратить все вниманіе и всю заботливость на бѣднаго, такъ сильно оскорбленнаго мужа. И такъ уже случайное примиреніе наше навлекло на него много сплетень и толковъ. Свѣтъ не могъ понять возвышеннаго чувства, подъ вліяніемъ котораго онъ протянулъ мнѣ руку, а чего свѣтъ не можетъ и не хочетъ понять, то онъ всегда толкуетъ въ превратную сторону, по свойственной ему привычкѣ къ злословью.

Много нужно было и усилій и времени на то, чтобъ побѣдить недовѣрчивость мужа въ искренность моей привязанности, въ непоколебимость моего исправленія. Но чего не можетъ твердая рѣшимость при помощи молитвы? Вѣра его въ меня сдѣлалась такъ же сильна и искренна, какъ и моя привязанность; хотя свѣтъ и не переставалъ насъ преслѣдовать, но шумъ его злословія терялся въ емлѣ нашего счастія. Жалкіе люди, они

не могли понять, что слезы раскаянія смываютъ съ души всѣ пятна заблужденій и могутъ возвратить ей прежнюю бывалую чистоту ея чувствъ, превосходящую въ глазахъ всевидящаго Бога порочную беспорочность многихъ изъ нихъ.

Сердце мое перегорѣвшее въ святомъ огнѣ страданій поняло свое прямое назначеніе и умъ мой извлекъ изъ прежнихъ заблужденій незабвенный урокъ! Никогда дочь моя не будетъ модною дамою; я надѣлю умъ ея сокровищемъ основательныхъ познаній, но сердце ея узнаетъ съ дѣтскихъ лѣтъ, что ему нужно знать, чтобы не уклониться отъ прямаго пути. Жизнь долга и свѣтъ не въ состояніи наполнить ее: его лесть, его хвалы и его упоенія улетаютъ вмѣстѣ съ молодостью и что остается тогда душѣ? Страдать какъ я или медленно гаснуть въ томительной скукѣ и въ безплодныхъ сожалѣніяхъ невозвратимаго прошедшаго, какъ бѣдная мать моя?

Я счастлива теперь, но сколькими страданіями купила я это счастіе? Что же станется съ тѣми, которыхъ ранній опытъ не обратитъ на путь и которыя вдобавокъ не встрѣтятъ на дорогѣ души подобной душѣ моего мужа?

УѢЗДНЫЕ ТОЛКИ.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ОЧЕРКЪ.

Въ октябрѣ 18 . . года общество отдаленнаго уѣзднаго города было взволновано неожиданною вѣстью: въ городѣ былъ объявленъ концертъ, билеты готовы, афиши разосланы и грязныя залы въ гостинницѣ Лондонъ сняты за неслыханно высокую цѣну къ предстоящему торжеству: хозяинъ прижалъ, пользуясь случаемъ и русская натура не выдала себя. Какъ же было, скажите, не волноваться всему этому доброму обществу, при этомъ событіи, вытѣсняющемъ его жизнь изъ привычной, вседневной ея колеи, при этой новости поразительной, изумительной, невѣроятной, неслыханной, *хоть брось языкъ собакамъ!* Какъ было молчать, читая въ афишахъ, что въ концертѣ, назначенномъ такого-то дня будетъ участвовать Вѣра Павловна Сонская и Александръ Михайловичъ Левковичъ? И общество судило, рядило, шумѣло: это былъ чисто пиръ для праздныхъ умовъ.

Въ хорошо освященной квартирѣ Рогатина, въ очень чисто и мило убранной комнатѣ сидѣли двѣ дамы: одна была жена хозяина дома, другая жена одного чиновника, заѣхавшая къ ней убить скуку длиннаго, осенняго

вечера, въ особенности длиннаго въ небольшихъ городахъ. Сухой господинъ высокаго роста расхаживалъ въ комнатѣ, вставлялъ изрѣдка слово въ разговоръ собесѣдницъ и снова продолжалъ ходить взадъ и впередъ.

— Dites moi, Рогатинъ, отнеслась къ нему гостья. Вы слышали новость?

— И очень не новую, если вы хотите говорить о концертѣ, перебилъ ее сухой господинъ.

— Не о концертѣ, возразила она; но объ обстоятельствахъ связанныхъ съ нимъ.

— Вы разумѣете участіе Левковича въ этомъ концертѣ? Объ этомъ участіи много толкуютъ, это понятно, и не можетъ быть иначе. Я умолчу о Сонской; она женщина легкихъ, сомнительныхъ правилъ....

— Pour ne pas dire plus! вмѣшалась Рогатина.

— Идетъ на проломъ условныхъ приличій, продолжалъ ее мужъ, пусть идетъ себѣ, никто ни мѣшаетъ. Но Левковичъ при его отношеніяхъ къ обществу, при его состояніи! Я всегда говорилъ: въ немъ много хорошаго, нельзя въ немъ отвергать ни души, ни ума, но какъ и куда все это направлено? Сотворилъ изъ себя чортъ знаетъ что такое: цыганъ, поэтъ, актеръ, наѣздникъ, судя по причудамъ сумазбродной фантазіи. Постояненъ въ одномъ: во всегдашнемъ разладѣ съ общественною жизнью: вотъ хоть бы и теперь: задумалъ играть въ публичномъ собраніи и со вредомъ себѣ поддерживать этою выходкою собрата-артиста!

— Непостижимо! сказала Рогатина.

— Mais au contraire, это очень понятно, замѣтила колко и насмѣшливо чиновница, если взять во вниманіе, что этотъ артистъ явился Левковичу въ образѣ молодой и талантливой женщины.

— Mais s'est un scandal! Но вы вѣдь должны помѣшать ему, Ипполитъ! отнеслась повелительно Рогатина къ мужу.

— Помѣшать! повторилъ въ раздумьи Рогатинъ. Левковичъ упрямъ во всѣхъ странностяхъ и настойчиво приводитъ ихъ къ предположенной цѣли; противорѣчіемъ испортишь все дѣло и только, повредишь отношеніямъ нашимъ, которыхъ я вовсе измѣнять не желаю, признавая въ Левковичѣ много, много такого, чего не скоро отыщешь въ другомъ. Легкій, самый легкій, осторожный намекъ, все, на что я рѣшаюсь.

— Но кто же поѣдетъ въ этотъ концертъ? съ негодованіемъ спросила Рогатина.

— Говори за себя, не ручаясь за прочихъ. Я первый поѣду отъ нечего дѣлать, проговорилъ небрежно Рогатинъ. При томъ же видѣть постороннія глупости: еще не значитъ ихъ одобрять.

— Я тоже поѣду, непремѣнно поѣду, сказала рѣшительно и весело чиновница. Я хочу видѣть Сонскую и всмотрѣться поближе въ эту оригинальную, женскую личность. Я люблю изучать все выходящее изъ общаго порядка природы. C'est mon faible a moi!

— Любознательность вообще очень похвальна, замѣтила холодно Рогатина чиновницѣ и мнѣ остается пожелать вамъ на этотъ разъ и удовольствія и много успѣха.

— Я и не сомнѣваюсь ни въ томъ и ни въ другомъ.

Разговоръ начинавшій клониться къ размолвкѣ былъ во время прерванъ пріѣздомъ того, кого вовсе не ждали въ гостиной Рогатина!

Этотъ гость былъ Левковичъ.

Ему были рады; хозяинъ горячо пожалъ его руку, Рогатина встрѣтила его благодарною улыбкою, а бойкая

чиновница привѣтливымъ взоромъ, краснорѣчивѣе всѣхъ словъ. Его усадили въ покойное кресло, предложили сигару и завязалась живая бесѣда на избитыя темы всѣхъ уѣздныхъ бесѣдъ.

Я не возьмусь описывать наружность Левковича. Зачѣмъ вамъ его лобъ, его носъ и глаза? Онъ былъ не красавецъ, былъ дуренъ, быть можетъ, малъ ростомъ и худъ, какъ вообще всѣ тѣ люди, въ которыхъ избытокъ умственныхъ силъ подавляетъ развитіе физической силы. Вы же, если хотите, создайте себѣ образъ, оригинальный образъ артиста, вотъ вамъ и Левковичъ. Я только добавлю, что онъ одѣвался очень небрежно, не смотрѣлъ вовсе бариномъ тысячи душъ и вообще сильно смахивалъ на кутилу студента, какимъ онъ былъ дѣйствительно долгое время, и какимъ, на зло обществу, онъ остался въ душѣ. Судьба очень ошиблась, давши Левковичу такое замѣтное положеніе въ обществѣ, а съ нимъ неизбѣжно, ту именно роль, къ которой онъ былъ всего менѣе сроденъ; въ ней онъ былъ бездарный актеръ. Немного побольше спѣси и важности, поболѣе достоинства въ словахъ и въ пріемахъ, побольше вниманія и къ своей разумѣется и къ чужой обстановкѣ, и все шло бы иначе, и актеръ бы и публика жили въ ладу! Но этихъ достоинствъ или этихъ пороковъ, какъ кто хочетъ назвать, не было въ артистической натурѣ Левковича и любой изъ приказныхъ уѣзднаго суда могъ быть его менторомъ въ полезной наукѣ запускать пыль въ глаза благородному человѣчеству и держать себя въ обществѣ, гдѣ Левковичъ казался и неловокъ и страненъ, не говоря о дамскомъ, гдѣ онъ зѣвалъ точь въ точь, какъ на своей но-

стелѣ и служилъ вѣчною цѣлью пересудовъ, догадокъ и злыхъ эпиграммъ:

Таковъ блыъ Левковичъ во всемъ и вездѣ, таковъ же онъ былъ въ гостиной Рогатина, гдѣ, завалившись въ глубокое кресло, онъ слѣдилъ машинально за ходомъ бесѣды, межъ тѣмъ, какъ его мысль носилась тамъ гдѣ-то, за тридевять земель и разговоръ, между тѣмъ, тихо брелъ и добрелъ окольною дорогою, куда его вели противники Сонской и артистовъ вообще.

Чиновница первая пустилась въ аттаку.

— На долго-ли къ намъ; спросила она, обращаясь къ Левковичу.

— Да теперь ужъ пробуду здѣсь до 30-го, быть можетъ и дальше, если время позволитъ, добавилъ Левковичъ, думая вслухъ.

— Да что-жъ я въ самомъ дѣлѣ съ подобнымъ вопросомъ, воскликнула чиновница съ притворною досадою. Voila ou me mene ma sotte distraction! Вѣрьте честному слову, совершенно забыла, что у насъ концертъ и вы, какъ артистъ, surement не уѣдете отъ возможности слышать такой несомнѣнный, музыкальный талантъ, какой признаетъ общество въ Сонской?

— Еще бы уѣхать? отозвался Левковичъ. Да что вы, помилуйте! Да вѣдь такіе случаи рѣдки у насъ, они меня мирятъ съ безцвѣтною жизнью. Я еще исключаю нынѣшній годъ, продолжалъ Левковичъ, обращаясь къ Рогатину. Судьба въ этомъ году благоволитъ ко мнѣ. Зимою, сверхъ ожиданія былъ улаженъ спектакль, вотъ теперь концертъ, а тамъ, Богъ поможетъ, успѣемъ уладить еще что нибудь. Понимаете, что главная-то штука въ началѣ, а когда оно сдѣлано, такъ и за продолженіемъ дѣло не станетъ. Вотъ вамъ не забираясь вдаль

за примѣромъ, прошлогодній театръ. Сколько толковъ, препятствій встрѣтило въ нашемъ обществѣ мое предложеніе! Но я устоялъ наперекоръ всему, хлопоталъ съ утра до ночи, чуть не нажилъ чахотки, все устроилъ, уладилъ и чѣмъ же все кончилось? Когда сошло удачно первое представленіе, то запросили и другаго и третьяго и мнѣ же сказали спасибо, за то, что я настоятельно не послушался ихъ. Въ томъ и сила искусства, заключилъ Левковичъ, съ живымъ убѣжденіемъ, чѣмъ съ нимъ ближе знакомишься, тѣмъ безпредѣльнѣе отдаешься ему.

— Сейчасъ виденъ артистъ! замѣтилъ Рогатинъ, съ двуличною улыбкою.

Дамы обмѣнялись значительнымъ взглядомъ: этотъ взглядъ былъ презрительный, взглядъ сожалѣнія.

— Expliquez moi de grace, спросила Рогатина, если только вѣрить афишамъ и слухамъ. Вы сами участникомъ въ этомъ концертѣ?

— Вамъ не солгали ни тѣ ни другіе, я точно играю, каковъ только будетъ мой первый дебютъ?

— Ну вопросъ этотъ лишній при вашемъ прекрасномъ, музыкальномъ талантѣ, но неужели вы станете въ самомъ дѣлѣ играть? спросилъ его Рогатинъ укоризненнымъ тономъ.

— А почему же нѣтъ? спросилъ сухо Левковичъ.

— Я бы тоже спросилъ: почему не играть? замялся Рогатинъ, да общество-то смотритъ съ другой точки зрѣнія на подобныя вещи, а въ понятіяхъ своихъ какъ-то странно сливаетъ фигляра съ артистомъ, увѣрьте-жъ его, что эти два званія не совсѣмъ равнозначащи! Все это смѣшно и просто нелѣпо, но вы согласитесь, что живя уже въ обществѣ, нельзя иногда не сдѣлать ус-

тупки его убѣжденіямъ, положимъ превратнымъ и идти во всѣхъ случаяхъ противъ его мнѣнія.

— Я съ вами согласенъ, совершенно согласенъ, отвѣтилъ Левковичъ спокойно и холодно, но я далъ слово Сонской и буду играть.

Наступила минута неловкаго молчанія, Рогатина первая нарушила его.

— Все это прекрасно, сказала она, но какъ вамъ удастся уладить все это при такой досадной бѣдности средствъ, инструментовъ во первыхъ? Дурной инструментъ портитъ игру, а хорошихъ начтется въ цѣломъ уѣздѣ не болѣе трехъ, да и тѣхъ не дадутъ въ такую погоду.

— Досадно конечно, но да нечего дѣлать, замѣтилъ Левковичъ. О себѣ–то впрочемъ я успѣлъ позаботиться и досталъ инструментъ не отлично хорошій, но и тому то радъ, когда негдѣ взять лучшаго

— А вашъ инструментъ? замѣтилъ Рогатинъ.

— Что вы, Господь съ вами, воскликнулъ Левковичъ. Куда ему помилуйте въ концертную игру? Да вы вѣрно не знаете моего моего инструмента: это чисто лукошка!

Подавленный смѣхъ напомнилъ Левковичу слово, слетѣвшее у него съ языка, это слово, которое на другоеже утро стало сказкою цѣлаго города и трети уѣзда.

Дамы одна вслѣдъ за другою ускользнули изъ комнаты.

— Ахъ чортъ ихъ возьми! проговорилъ Рогатинъ, совсѣмъ растерявшись.

Левковичъ рѣшительно ничего не сказалъ: вся его находчивость, а ее, между нами, было въ немъ очень мало, оставила его въ эту минуту. Онъ и Рогатинъ молча

краснѣли другъ противъ друга. Но нѣтъ такого положенія въ жизни, изъ котораго бы пообдумавшись, не нашлось исхода. Эта истина была спасительною нитью, попавшей Левковичу первому въ руки. Онъ схватилъ на лету первый предметъ, промелькнувшій въ умѣ его въ это мгновеніе и, не замѣтивши всей его странности, завелъ рѣчь о ботаникѣ.

Вообще это было недурно придумано: ученость не рѣдко выручала Левковича; она была щитъ, которымъ артистъ не разъ укрывалъ свои частые промахи въ свѣтскихъ приличіяхъ, онъ ею держался въ мнѣніи общества и одна пышная барыня, первый голосъ въ совѣтѣ благороднаго общества, выражалась о немъ своей доброй знакомой:

— Левковичъ смѣшонъ, вы увидите сами, но по своимъ познаніямъ рѣшительно замѣчательный человѣкъ; когда рѣчь заходитъ объ ученыхъ предметахъ, онъ такъ говоритъ, что его даже просто понять невозможно.

Тоже-ли самое думалъ Рогатинъ, слушая очень сложное разсужденіе Левковича, еще болѣе сложное отъ огромнаго множества латинскихъ названій, которые онъ безъ зазрѣнія совѣсти включалъ въ свою рѣчь? Когда Левковичъ пересталъ говорить, чтобъ взглянуть на эфектъ своей диссертаціи, онъ съ улыбкою замѣтилъ, что Рогатинъ дремалъ съ открытыми глазами.

— Прощайте! сказалъ онъ, схвативши фуражку.

— Куда-жъ вы? спросилъ, очнувшись Рогатинъ.

— На репетицію, отвѣтилъ Левковичъ, я засидѣлся у васъ и совсѣмъ опоздалъ.

— Мы, надѣюсь, увидимся еще разъ до концерта.

— Къ вашимъ услугамъ, какъ время позволитъ.

— До свиданія!

— Прощайте!

Нѣтъ, думалъ Левковичъ, тащась съ ноги на ногу на жалкомъ извощикѣ по убійственной мостовой отдаленнаго города, еслибъ во мнѣ была хоть искра надежды жить въ ладу съ этимъ обществомъ, она бы угасла въ нынѣшній вечеръ. Что-жъ это за люди и что за понятія? А эта нелѣпая привычка вмѣшательства въ чужіе дѣла? Да это, отбросивши тѣлесную пытку, инквизиція временъ давнопрошлаго варварства, да это позоръ и вѣку и времени такія понятія, и вся эта ненависть къ благородному и святому дѣлу искусства! И эти люди читаютъ журналы, не морщась, глотаютъ всѣ эпиграммы на уѣздныя общества, на отсталыя мнѣнія, на всю эту мелочность и всю эту грязь и, не краснѣя своего безобразія, покойно остаются при первомъ невѣждествѣ, безъ всякой попытки податься впередъ. Эпиграммы-ль не колки или броня невѣжества крѣпче всякой другой? Нѣтъ, такъ жили отцы, такъ живутъ и ихъ дѣти, будутъ жить и ихъ правнуки. Это въ свою очередь невздорная истина вмѣстѣ съ которою чортъ взялъ бы ихъ всѣхъ!

А эти двѣ куклы, нарядныя, жеманныя? Онѣ вздумали нынѣче расхваливать Сонскую: я знаю, похвала эта жгла имъ языкъ, онѣ бы ее съѣли, дай только волю, но бранить при мнѣ ее побоялись! Мы съ нею ужъ попали въ герои нелѣпаго, уѣзднаго романа? Бѣдная Сонская, зачѣмъ она здѣсь? Не на этакой почвѣ разцвѣтаетъ талантъ! Здѣсь талантъ порокъ, почти что преступленіе: его уничтожатъ въ первомъ блескѣ развитія, закидаютъ грязью насмѣшекъ и сплетней, вырвутъ съ корнемъ вонъ!

Я это извѣдалъ какъ артистъ, какъ писатель! Да не

будь я въ уѣздѣ, тѣмъ чѣмъ я въ немъ теперь, то это же общество, которое мнѣ льститъ униженно и нагло, не пустилобъ меня къ себѣ на порогъ. Никогда впрочемъ тяжесть жизни въ здѣшнихъ мѣстахъ не бросалась мнѣ такъ рѣзко въ глаза: утѣшить въ ней можетъ одна только мысль, что нынче я здѣсь, а въ нѣсколько дней могу быть далеко, за тысячи верстъ, что я могу уѣхать когда захочу, куда захочу, обновить впечатлѣнія и зажить новою, свободною жизнію вдали этого жалкаго и нелѣпаго общества.

Толчекъ прервалъ нить размышленій Левковича: онъ стоялъ у подъѣзда гостинницы грязной и мрачной наружности, гдѣ мы его оставимъ быть можетъ до свиданія, судя по обстоятельствамъ.

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО!

РАЗСКАЗЪ (*).

I.

Люблю я мои воспоминанія, я ими живу! Станешь жить поневолѣ въ прошломъ и прошлымъ, когда настоящее скучно и холодно и въ будущемъ тоже не ждешь ничего; поневолѣ вернешься къ старымъ друзьямъ, къ минувшимъ лѣтамъ: въ нихъ моя молодость, въ нихъ отжитые чувства, тѣ радости давно невозможныя сердцу, всѣ прежніе сны! Жизнь ихъ разсѣяла, но въ ту пору имъ вѣрилось а теперь радъ бы вѣрить, да себя самого никакъ не обманешь: при самомъ началѣ ужъ и виденъ конецъ! Шевельнется въ душѣ предосадное чувство, но послѣ пообдумавшись, махнешь на все рукою, да и заладишь жить такъ-какъ Богъ повелѣлъ: знать тому такъ и быть и однажды прожитаго ужъ ничѣмъ не вернуть!

А славное было и блаженное время! Только вспомнишь порою, такъ ужъ станетъ свѣтло и легко на ду-

---

(*) Напечатанъ въ Библіотекѣ для Чтенія въ 1858 г. въ Августѣ мѣсяцѣ.

шѣ! Я говорю здѣсь собственно о далекой порѣ моей первой любви.

Ночь такъ хороша, звѣзды блещутъ такъ ясно, воспоминанія такъ и слетаются, такъ и просятся подъ перо! Такъ и быть разскажу, какъ все это было:

Мы переѣхали весною въ деревню. Знаете-ль вы все счастіе свободы? Жаль если нѣтъ; вы бы поняли чувства, съ какими я бросила душную классную, и кисти, и книги, и всю эту жизнь, которою жила почти что отъ пеленокъ. Узникъ увидѣвшій небо и солнце не могъ право быть радостнѣе и счастливѣе меня; столько было въ душѣ жизни и силы! Раздѣли на весь міръ, на весь міръ бы хватило! А сердце-то, сердце? Оно билось, какъ голубь, просто безъ удержа рвалось изъ груди!

У меня былъ cousin.... съ нихъ всегда начинаешь, съ нихъ легкой руки; а потомъ все впередъ: летишь, сломя голову, покуда рьянный конь не наскочитъ на крѣпкую, досадную преграду; въ жизни женщины—старость а въ мущинѣ—разсудокъ, та же все старость, да только моральная.

И такъ продолжаю: былъ у меня cousin.... Ну да нѣтъ ему рано. Пусть онъ, жизнь моя, служитъ покуда въ кирассирахъ. Начну лучше такъ:

Была у меня тетушка, сухая и желтая, какъ давно залежалое дѣло въ архивѣ. Ея домъ и усадьба были въ томъ же селѣ, въ полу-верстѣ отъ насъ: S'est dire что мы видались съ нею нерѣдко. Ей было въ то время за семьдесятъ лѣтъ, но здоровья же было? Что семьдесятъ лѣтъ! Сто бы лѣтъ прожила, еще-бъ на сто осталось! Желудокъ варилъ не сваримыя вещи, сонъ былъ легокъ и крѣпокъ, лѣта побѣдила, съ дряхлостію сладила! А какъ поразсказать про ту точность и строгость съ

какою она блюла всѣ посты и обряды, такъ и выйдетъ, что въ тетушкѣ крылось, что-то повыше физической крѣпости. Желѣзная воля у старухи была!

Съ нею жила только дочь, перезрѣлая дѣва, да сынъ среднихъ лѣтъ; и въ немъ были задатки чего-то хорошаго, но праздность сгубила, весь съ круга спился! Тетушку уважалъ весь нашъ околодокъ, не взирая на то, что имѣніе ея было всюду заложено, запутано такъ, что даже кредиторы отъ него отступились, а судъ въ немъ просто жилъ. Уважали ее или просто боялись, ну какъ это рѣшить? Вообще лучше не спрашивать, что правитъ подъ часъ уваженіемъ общества? Есть такіе отвѣты—дрожь проберетъ!

У тетушки моей былъ страшно злой языкъ, кто ее раздражитъ, ужъ не жди милосердія, что ни слово, то жало, разомъ съ свѣта сживетъ.

Дѣло въ томъ, что къ ней ѣздили хоть рѣдко, да мѣтко: весь, бывало уѣздъ поднимется разомъ, да и съѣдится къ ней къ дню ея именинъ. Какое къ дню именинъ! дня за три съѣзжались; мѣстечка свободнаго не было въ домѣ, прислуга металась словно шальная, ужъ можно сказать: что шелъ пиръ на весь міръ.

Въ тѣ блаженные годы какое значеніе имѣлъ этотъ день! Ждешь, бывало, его, ни на мигъ не задумаешь, всѣ ночи не спишь! Къ счастью, что ночи-то были не зимнія а чудныя, свѣтлыя іюньскія ночи: не успѣешь раздуматься а заря ужъ глядитъ въ открытое окно: блеснетъ яркое солнышко въ утреннемъ небѣ, пора тутъ мечтать! Стрѣлою улетишь на просторъ и на воздухъ, въ прохладную свѣжесть кленовыхъ аллей; словно что-то зоветъ, словно силою влечетъ въ эту глубь, въ эту даль!

А разсказъ все ни съ мѣста, а cousin все въ полку! Да простятъ меня грѣшную Богъ и онъ жизнь моя! Ужъ теперь прямо къ тетушкѣ, хоть entre nous soit écrit, она въ день именинъ бывала у меня такъ же мало въ разсчетѣ, какъ и ея высокій, безобразный чепецъ; отвѣсишь обоимъ церемонный поклонъ и пропадешь отъ нихъ на весь круглый день: заберешься бывало, въ отдаленныя комнаты, или съ кѣмъ нибудь объ руку пробродишь въ саду, или просто засядешь въ какой нибудь кружокъ, сидишь, точишь лясы и не опомнишься, какъ день убѣжитъ! Бывало кого, кого тамъ не встрѣтишь? И Соню, и Катю, и нервную Вѣрочку; все друзья, все кузины, все сверстницы рѣзваго, беззаботнаго дѣтства. Жизнь потомъ разлучила, словно вѣтеръ буйный всѣхъ по свѣту разнесъ!

Впередъ же мой разсказъ!

Поутру на зарѣ, прошелъ маленькій дождикъ, славный былъ день, не душный, не знойный, солнце ярко свѣтило, садъ свѣжо зеленѣлъ. А впрочемъ, быть можетъ, мнѣ такъ все казалось, просто было свѣжо, хорошо на душѣ. Ну, да еще-бъ не быть, когда въ главѣ всѣхъ новостей, мнѣ было объявлено, что Костя пріѣдетъ, непремѣнно пріѣдетъ, что ровно въ пять часовъ онъ ужъ будетъ у тетушки? Кузины божились, покуда не разсердились и этимъ окончательно убѣдили меня, что это не сонъ и что полное счастье не мечта на землѣ!

Ребенокъ была: вѣкъ имъ бы была лишь бы ждать, какъ ждалось и вѣрить, какъ вѣрилось! А Костя былъ просто мой троюродный братъ, молоденькій корнетъ въ кирассирскомъ полку. Мы вмѣстѣ росли, а послѣ разстались и, сидя за книгою, отъ зари до полночи, я забы-

ла о немъ, а если и помнила, то какъ будто во снѣ. Но въ тѣнистыхъ аллеяхъ деревенскаго сада по припомнился онъ: чего тамъ не вспомнишь въ прозрачныя сумерки весенняго вечера, подъ шелестомъ листьевъ, подъ ударами сердца, подъ звуками грустныхъ, украинскихъ пѣсенъ, раздающихся гдѣ-то на широкой степи? Какъ душа-то еще удержалась на мѣстѣ и не умчалась за ними во слѣдъ!

Ну-съ и вспомнился онъ или лучше сказать мечта создала свѣтлый, свѣженькій образъ, окрестила его милымъ именемъ Кости, разцвѣтила его и высоко поставила надъ грѣшною землею. А тутъ и кузины съ безконечными толками все о немъ, да о немъ! А тамъ самолюбіе, соблазнъ любопытства! Но зачѣмъ подвергать анализу разсудка эту первую, свѣжую, безгрѣшную любовь съ очарованіемъ бывалыхъ волненій съ безусловнымъ блаженствомъ ея первыхъ надеждъ? Я сама не припомню; какъ все это случилось, какъ душа перешла вся въ одно ожиданіе! Просто сердце проснулось, захотѣлось любить!

. . . , ...

Все ближе и ближе звенѣлъ колокольчикъ по мѣрѣ того, какъ мы вмѣстѣ съ Катею поднимались все выше въ высокую гору; надъ которою повисъ тетушкинъ домъ и мы еще шли въ извилистыхъ дорожкахъ, перобѣгающихъ вверхъ по скату въ цвѣтникъ, какъ ужъ онъ неожиданно смолкъ у крыльца.

Минуту спустя Костя былъ на балконѣ. Много лѣтъ пронеслось надъ этою минутою! Душа покорилась другимъ впечатлѣніямъ и они, въ свою очередь, отодвинулись вдаль! Въ мечтахъ другой образъ, надъ сердцемъ все—сильна иная любовь; ею живу, съ нею умру! Те-

перь я могу съ безпристрастною правдивостью нарисовать вамъ Костинъ портретъ и представить вамъ милаго героя поэмы, рядомъ съ которою спятъ въ могилѣ минувшаго многіе свѣтлые, невозвратные сны!

Какъ ни страненъ мой вкусъ, но меня просто злитъ красавецъ мущина. Благодаря судьбѣ, cousin мой не былъ имъ. Въ его продолговатомъ, смугло-блѣдномъ лицѣ было много погрѣшностей, но эти погрѣшности не портили цѣлаго и не смѣли коснуться выразительныхъ глазъ, полныхъ лѣни и нѣги и au possible, казавшихся и вдвое блестящее и вдвое чернѣе отъ длинныхъ рѣсницъ и отъ голубоватыхъ отливовъ бѣлковъ. Очень нѣжные, свѣтлорусые волосы Кости были, какъ всѣ свѣтлорусые волосы; такіе же усы пробивались надъ свѣженькимъ и хорошенькимъ ртомъ.

За всѣмъ этимъ Костя былъ строенъ какъ все, что стройно на свѣтѣ и довольно высокъ, даже очень высокъ. Въ походкѣ, въ манерахъ, во всѣхъ его позахъ проглядывало тожъ, что и въ его глазахъ, та же лѣнь, та же изнѣженность, составляющія такой рѣзкій контрастъ съ привитою и природною болтливостію Кости: слова спотыкались отъ излишней поспѣшности съ какою его мысль залетала впередъ.

Теперь на все это бросьте лоскъ воспитанія, да прикиньте ужъ кстати кирасирскій мундиръ, вотъ вамъ и весь Костя не касаясь моральнаго.

Мы усѣлись вдвоемъ въ первой ближней бесѣдкѣ, вдали ревнивыхъ глазъ, которыхъ впрочемъ небыло.

Chère cousine, chère amie! говорилъ cousin Костя съ своею милою поспѣшностію. Наконецъ то увидѣлись! Какъ я ждалъ этой встрѣчи! А ты? Я не могу рѣшительно говорить тебѣ: *вы*.... C'est une vieille habitude,

ты мнѣ ее простишь, если ты не забыла и Костю и твою прежнюю привязанность къ нему.

— Ты такъ милъ и такъ добръ, что скрытничать съ тобою было-бъ просто грѣшно! отвѣчала я Костѣ. Прошло года два и я тебя забыла, но послѣ снова вспомнила.

— Чисто женскій отвѣтъ, ни на шагъ безъ загадки! Но ты мнѣ все разскажешь: и какъ ты забыла и какъ опять вспомнила. Мы будемъ друзьями; не разстанемся-жъ мы на нѣсколько лѣтъ! Тогда было возможно..... И тогда было грустно, но теперь: ни за что, когда мы снова, встрѣтились, que je dispose de moi!

— Ни за что! повторила я съ тѣмъ же увлеченіемъ.

— И знаешь ли, cousine, предчувствія лгутъ, но я вѣрю своимъ. Тебя удивитъ, но задолго, задолго я ужъ былъ убѣжденъ, что мы съ тобою встрѣтимся, точно такъ какъ мы встрѣтились! Я воображалъ тебя точно, точно такою.... avec tes cheveux soyeux avec ta robe blanche!

— Нѣтъ, въ моихъ ожиданіяхъ все дѣлалось иначе. И я тоже часто старалась вообразить тебя, твои черты, но мое воображеніе рѣшительно лгало, вмѣстѣ съ нимъ и кузины: elles te faisaient tout autre на всѣ мои разспросы, онѣ просто смѣялись надъ моимъ любопытствомъ или такъ, по предчувствію, ужъ впередъ ревновали мою дружбу къ тебѣ!

— Chère amie, сказалъ Костя, мы отмстимъ имъ за это, я помогу тебѣ. Но скажи, въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ онъ съ улыбкою и смотря мнѣ въ глаза всею нѣжностію, черныхъ выразительныхъ глазъ, ты нашла меня лучше того, что обѣщали твои ожиданія и что говорили кузины и сестры?

— Ужъ я думаю такъ: твои сестры въ особенности, elles te disaient tout laid.... съ зелеными глазами....

— Какой ужасъ: съ зелеными? сказалъ весело Костя. А впрочемъ, почемъ знать, что сестры въ этомъ случаѣ не совсѣмъ тебѣ лгали? Ты еще не успѣла хорошо разсмотрѣть. Сама лучше увѣрься, всмотрись въ мои глаза!

— Не хочу! сказала я съ какимъ-то страннымъ трепетомъ, торопливо закрывши рукою глаза.

— А! nous sommes capricieuses, такъ я же хочу, сказалъ Костя настойчиво, схвативши мои руки и крѣпко ихъ зажавши въ своихъ нѣжныхъ рукахъ.

Мы пристально взглянули другъ другу въ глаза! Это былъ первый взглядъ моей первой, счастливой, невозвратной любви! На чемъ лучше закончить и первую главу полу-забытой повѣсти?

II.

Нѣтъ, грустное дѣло переживать опять отжитую любовь! Въ концѣ поразсоришься и съ собою и съ жизнію и еще неохотнѣе, еще вдвое лѣнивѣе поплетешься впередъ въ эту скучную будущность, которая нынче не сулитъ уже счастія, убѣдившись давно, что это напрасно, что извѣрились въ ней!

Не то было въ тотъ вечеръ, прожитый мною съ Костею вкругу этаго шумнаго, именинnаго общества! Праведный Боже! какъ имъ все измѣнилось, все даже и прошлое, какъ будто отодвинулось оно вдругъ отъ меня такъ ужъ всё мнѣ казалось и пусто и чуждо внѣ всей этой любви и этой новой жизни, съ которою я сживалась такъ легко и свободно, какъ будто бы жить ею было вѣкъ суждено! Забвеніе коснулось этихъ свѣтлыхъ, такъ быстро

промелькнувшихъ часовъ и спасибо ему! Не сладить бы мнѣ ужъ теперь съ этимъ міромъ и потомъ жаль бы было коснуться холодностію настоящихъ воззрѣній теплоты и поэзіи подобныхъ минутъ! Жаль и за нихъ и жаль за себя!

Ужъ далеко за полночь простились мы съ Костею, обмѣнявшись еще продолжительнымъ взглядомъ, еще долгимъ, горячимъ пожатіемъ руки. На другой день и тетушка и всё ея общество приглашались къ намъ въ домъ такъ изстари велось.

У окна дождалась я зари этого дня. Солнце всходило въ синемъ, безоблачномъ небѣ; въ воздухѣ было такъ тихо, такъ тихо: можно было разслышать, какъ капли росы спадали на землю; освѣженныя ею цвѣты ярко пестрѣли между темною зеленью; сколько же нѣги, жизни и прелести было въ этой картинѣ Іюньскаго утра, сколько звуковъ таилось въ его тишинѣ! Славно было и тамъ, въ саду еще залитомъ прохладою и тѣнью: влажною свѣжестію обдавало на встрѣчу изъ широкихъ аллей: и въ нихъ то же спокойствіе, все то же безмолвіе: ни звука, ни шелеста! Какъ будто заснула, какъ будто надъ чѣмъ-то сладко, крѣпко задумалась вся эта шумная, молодая листва!

Нѣтъ, у сердца съ природою есть общія струны, покуда сердце молодо и нетронуто жизнію; потомъ онѣ звучатъ все глуше и всё рѣже, пока вовсе не смолкнутъ съ тѣхъ поръ ужъ безотзывныя на всякій призывъ; тогда уже все равно; свѣтитъ-ли солнышко или небо виситъ сплошною, сѣринькою тучею? Ужъ ничто не согрѣетъ, ничто не оживитъ.

Отраднымъ спокойствіемъ ложилась мнѣ въ душу вся эта тишина, свѣтлыми чувствами и свѣтлыми мыслями

подъ строй этого яснаго и прозрачнаго утра! Воспоминанія смѣнялись мечтами и чудно хороши были эти мечты, всѣ полныя милымъ, привѣтливымъ образомъ: такъ и летѣло сердце, такъ и рвалось къ нему и такъ всѐ и грезились эти черные, нѣжные, лѣнивые глаза!

Сколько любви, о Боже! сколько счастія осталось въ этихъ темныхъ аллеяхъ! Прошелъ бы обратно длинный рядъ испытаній, лишь опять бы вернуться въ этотъ садъ въ это утро и сидѣть въ немъ, задумавшись, подъ тою свѣтлою картиною, какою рисовалась мнѣ тогда моя будущность, и любить бы по прежнему и вѣрить по прежнему и воскресить опять и прежняго Костю и прежнее сердце такое безумное, такое счастливое!

Къ двѣнадцати часамъ огромный нашъ домъ былъ весь прибранъ и убранъ на праздничный ладъ: вездѣ шелкъ, позолота, зеркала и цвѣты. Одѣтая съ строгою простотою и изяществомъ, въ прозрачномъ бѣломъ платьѣ, я стояла, опершись на перила балкона и смотрѣла все вдаль на эту дорогу, которая тянется по широкому выгону къ усадьбѣ моей тетки со всѣхъ сторонъ закрытой упиравшимъ въ нее крестьянскимъ жильемъ. Вотъ легкое, чуть замѣтное облачко пыли поднялось отъ нея тамъ вдали по дорогѣ: оно медленно шло, все темнѣе сгущаясь, за нимъ другое, третье въ точно томъ же порядкѣ. Вотъ открылись въ нихъ крупныя и подвижныя точки и росли и взросли до широкихъ размѣровъ заложенныхъ цугами помѣщичьихъ каретъ. Медленно съѣхавши со свертка на выгонъ, экипажи помчались густою вереницею по гладкой и плотно убитой дорогѣ и обогнувши цвѣтникъ и ограду, легкою сдер-

жанною рысью взъѣзжали къ намъ на дворъ одинъ вслѣдъ за другимъ.

Сколько было здѣсь лицъ и милыхъ и досадныхъ; теперь бы на всѣхъ ихъ взглянулось привѣтливо, какъ друга бы встрѣтилъ всякій голосъ, раздавшійся изъ далекаго прошлаго! Но всѣ они смолкли и широкою пустынею раскинулась жизнь!

Въ главѣ всего поѣзда сталъ первый у подъѣзда старинный экипажъ, запряженный въ протяжку четвернею рыжихъ клячь. Два ливрейныхъ лакея осторожно спустили по высокимъ подножкамъ особу моей тетушки въ допотопномъ чепцѣ, за нею ея дочь и сына высокаго, плечистаго мущину въ прическѣ a la Кукольникъ, въ зеленомъ сюртукѣ и въ палевомъ галстухѣ, уходившемъ концами въ свѣтло-синій жилетъ. Вообще cousin мой Жоржъ былъ личностію стоющею и отдѣльной статьи! Вотъ еще двѣ кареты, отъѣхали медленно, ссадивши на крыльцо девять дальнихъ кузинъ, все дѣтей одного благодатнаго брака и все блеклыхъ цвѣтовъ. Стоя рядомъ съ maman я едва успѣвала раздавать во всѣ стороны улыбки, поклоны, отвѣты, привѣтствія и пожатія рукъ. Вотъ и еще заслышались знакомые шаги и въ залу ввалился дородный мущина съ цвѣтущимъ, открытымъ, добродушнымъ лицемъ. Съ какою радостною живостію я бросилась къ нему!

— Doucement, doucement! Жена приревнуетъ!

И еслибъ вы взглянули на эту жену, какъ она шла за нимъ, вся мило зарумянившись и смотря такъ привѣтливо темнокарими глазками, вы-бъ невольно сказали:

— Diable! est il heureux votre cousin Voldemar!

Мой милый Вольдемаръ, какъ память о немъ дорога еще сердцу!

И все прибывало это пестрое общество и все оно вдругъ какъ исчезло изъ глазъ.

— Cher Костя!

— Chère cousine!

— Позднѣе всѣхъ пріѣхать!

— Дитя! сказалъ онъ мнѣ, сжимая мою руку, ты не хочешь понять, что мысль и сердце Кости всегда, всегда съ тобою!

Онъ держалъ эту руку, силъ не было отнять!

А вотъ теперь сидишь, да холодно ревнуешь холодную любовь? И страшно грустно было-бъ, если-бъ было не зло, не такъ страшно досадно!

III.

Было мѣсто въ то время въ этомъ старомъ саду; какъ теперь еще вижу: вѣковая аллея шла ровная, широкая, большимъ полукружіемъ прилегалъ къ ней цвѣтникъ, захватившій часть нѣкогда здѣсь бывшаго кладбища. Надмогильные холмики замѣнились давно цвѣтущими клумбами, но тамъ за оградою бѣлѣлись еще камни, уцѣлѣли еще двѣ надгробныя плиты и темная колона съ большимъ мѣднымъ крестомъ обозначала мѣсто когда-то бывшей здѣсь, давно снесенной церкви. Крестясь проходила я здѣсь вечерами.

Здѣсь сидѣли теперь мы вдвоемъ съ моимъ Костею. Il était décidé: мы любили другъ друга и еще подъ живымъ впечатлѣніемъ признанія убѣжали подальше отъ всей этой толпы, чтобъ болтать на свободѣ ту милую безскладицу, въ которой, въ то доброе и блаженное время былъ для насъ заключенъ такой важный вопросъ.

— Мой Костя, mon joli, mon gracieux bien-aimé, такъ это не мечта? Ты меня точно любишь, скажи мнѣ еще разъ!

— Зачѣмъ просить меня? отвѣчалъ тихо Костя, quand mon bonheur est là, въ возможности сказать, что я тебя люблю, что вмѣстѣ или розно вся эта жизнь твоя.

— Розно, Костя, мой милый! Зачѣмъ же быть намъ розно, когда вмѣстѣ съ тобою намъ такъ хорошо?

— Tu as raison, зачѣмъ? Говоря за себя, я не прошу у жизни ничего выше счастія прожить ее съ тобою такъ, держа твою руку, смотря въ твои глаза!

— Нѣтъ, я люблю рѣшительнѣе, je me refuse d'avance отъ жизни врозь съ тобою. Послѣ этого счастія и всей этой любви.... Нѣтъ, Костя, моя радость, ты любишь меня и я тебя люблю, не намъ разставаться! Нѣтъ, вмѣстѣ на всю жизнь, мы все будемъ любить, все будемъ такъ же счастливы!

— О — да, на всю жизнь! сказалъ съ восторгомъ Костя, привлекши съ пылкою нѣжностью меня къ себѣ на грудь. Сердце билось о сердце, уста наши слились въ горячемъ поцалуѣ. Тамъ вдали въ чащѣ сада былъ слышенъ гулъ и говоръ оживленнаго праздника, но здѣсь все было тихо: не шевелясь, стояли цвѣтущіе кустарники, прислонившись къ оградѣ и дыша своимъ легкимъ, душистымъ дыханьемъ въ знойный воздухъ полудня!

А право, какъ подумаешь, то первая любовь, какъ она ни глупа, хитритъ съ людьми и съ свѣтомъ больше всѣхъ остальныхъ, выбирая всегда въ самомъ близкомъ родствѣ. Ростетъ она себѣ препокойно подъ маскою, успѣешь налюбиться и разлюбить, пожалуй, а тамъ только начнутъ смекать да намекать.

Во весь этотъ день мое бѣлое платье вездѣ мелькало рядомъ съ эполетами Кости, привлекая задорно вниманіе общества на эту молодую, блаженную любовь; тогда впрочемъ любовь смотрѣла еще прямо въ глаза цѣлому свѣту и готова была сказать гордо и радостно: mais regardez nous donc, вѣдь мы любимъ другъ друга!

Завистливымъ взоромъ начинали смотрѣть мои дальнія, блѣдныя и блеклыя кузины, предательскою улыбкою улыбалась мнѣ тетушка. Но вниманію общества, непріязни и дружбы не назначено было перебраться въ тотъ день за грань чуть возникающихъ догадокъ и сомнѣній. Судьбѣ видно хотѣлось дать мнѣ дожить свободно послѣднія, свѣтлыя минуты любви, быть можетъ потому, что ихъ осталось мало и счастію моему суждено было жить и цвѣсти только день!

IV.

Ночь давно ужъ настала, одна изъ тѣхъ чудныхъ, южныхъ ночей, теплыхъ, тихихъ и темныхъ подъ небомъ усѣянномъ блестящими звѣздами. Какъ яркій фонарь возвышался нашъ домъ надъ мрачною массою сада, въ открытыя окна неслись и разлетались далеко по окрестности веселые звуки веселаго бала.

Это былъ первый балъ и первый мой шагъ въ эту длинную цѣпь утомительныхъ празднествъ, которая тянется, пока рано-ли, поздно-ли не смѣнитъ ее цѣпь еще потяжелѣе: первый балъ и послѣдній, въ который я внесла всю мою искрометную, бывалую веселость! Каждая жилка билась жизнію и счастіемъ подъ эти живые, рѣзвые звуки; улетѣла-бъ за ними въ эту ночь, въ это небо, если-бъ было не жаль, если-бъ жизнь не

была такъ дивно хороша и образомъ Кости и тою сладкою истомою, какою ныло сердце подъ тяжестью грѣшнаго, земнаго блаженства!

Веселая мазурка только что кончилась; фейерверкъ былъ назначенъ антрактомъ и отдыхомъ оживленному балу. Утомленное танцами общество толпами сходило съ балкона, разсыпаясь какъ рой въ безчисленныхъ извилинахъ большаго цвѣтника. Какъ призраки мелькали бѣлыя платья въ густой темнотѣ.

Вся разгорѣвшись отъ мазурки и счастія, я вышла вмѣстѣ съ Костею и стала на балконѣ, вдыхая полною грудью прохладный воздухъ ночи, перебѣгающій легкою дрожью по моимъ еще влажнымъ, обнаженнымъ плечамъ. Съ легкимъ шумомъ взвилась сигнальная ракета высоко надъ нами и разсыпалась искрами внизъ по темному небу. Грусть сжала мнѣ сердце подъ всѣмъ его счастіемъ, что если счастіе это да вдругъ улетитъ?

— О чемъ ты задумалась? спросилъ меня Костя. И какъ ты поблѣднѣла! Что это съ тобою?

Вопросъ возникшій вдругъ и потрясшій мгновенною, но мучительною болью все мое существо былъ далеко оттиснутъ чарующею силою этого милаго до сихъ поръ не забытаго голоса на душу мою:

— О теперь все прошло, отвѣчала я Костѣ, но минуту назадъ мнѣ было страшно грустно, такъ и стѣснило грудь подъ ужасною мыслью, что все это счастье быть можетъ улетитъ!

— Reveuse! сказалъ мнѣ Костя. О я бы разсердился, еслибъ ты не была такъ блѣдна и встревожена. Бояться за счастіе, когда это счастіе чисто въ нашихъ рукахъ? И еще въ такой чудный, упоительный вечеръ!

— Да, чудный вечеръ, Костя, что передъ нимъ всѣ

прежніе? Какъ хорошъ этотъ садъ полный тихихъ мечтаній о встрѣчѣ съ тобою! Жизнь всѣ ихъ исполнила. Ты совершенно правъ: какъ бояться за счастіе, когда сама судьба столкнула насъ съ тобою?

— Вотъ ужъ ты и покойна, ты по прежнему счастлива! О какой ты ребенокъ и какъ я счастливъ тѣмъ, что ты меня любишь, за себя, за тебя.

— И за меня конечно! Что была моя жизнь покуда я не встрѣтила тебя, mon bien-aimé, да и скажи притомъ, кого бы я могла любить такъ сильно, искренно, какъ я тебя люблю?

— Въ самомъ дѣлѣ, кого? сказалъ Костя задумчиво, отглаживая медленно со лба моего развившіеся волосы. Кому лучше отдать всѣ эти молодые, довѣрчивые чувства; кто ихъ пойметъ какъ я и сбережетъ, какъ я?

И долго еще простояли мы съ Костею на этомъ балконѣ. Сколько клятвъ улетѣло въ это вѣчное небо и какъ оно смѣялось надъ ними и надъ нами своими большими, блестящими звѣздами!

— Эта теплая, тихая, невозвратная ночь шла тихо путемъ счастія къ долгой, грустной разлукѣ!

Съ зарею другаго дня онъ уѣхалъ, мой Костя! Царскій смотръ былъ объявленъ, но насъ и безъ него рѣшили разлучить. Это первое горе было сильно и искренно и я послушно пала подъ первымъ ударомъ безъ желанья подняться, сдѣлать шагъ, чтобъ ожить для этой лживой жизни, такъ зло осмѣявшей мои первые сны! Я не хотѣла въ будущность и бѣжала отъ прошлаго; я не смѣла взойти въ этотъ садъ полный милыхъ, живыхъ воспоминаній. Сердце ныло, какъ въ пыткѣ, хотѣлось умереть! И лучше бы было, да вѣдь мало ли что? И я осталась жить! Но жизнь была испорчена, прошлое съ

его мирными, беззаботными днями закрыто навсегда! А въ душѣ еще было много жизни и силы: пришлось идти впередъ! Я угнала ладью мою въ открытое море, носилась она долго, бросаясь волею вѣтра то вправо и, то влѣво: вездѣ мелькало счастіе и нигдѣ не далось! Много было ихъ, призраковъ; но, вблизи ни одинъ не выдержалъ сравненія съ тѣмъ милымъ, свѣтлымъ образомъ, который жилъ въ душѣ. Теперь, утомленная, ладья моя плыветъ лѣниво и небрежно за послѣднимъ изъ нихъ, но онъ, одинъ изъ всѣхъ неподдѣльно прекрасный, стремительно несется все впередъ да впередъ, указывая мнѣ на блестящую точку, стоящую вдали: зовутъ ее славою и я порукою свѣту, онъ достигнетъ ее!

А Костя, что же съ нимъ?

Годъ спустя послѣ дня мучительной разлуки мы снова съ нимъ увидѣлись. Онъ былъ тотъ какимъ былъ; и такъ же блестѣли его черные, нѣжные и лѣнивые глазки и сердце мое билось подъ его милымъ голосомъ, какъ и въ былые дни! Но любовь ужъ не стропла по прежнему въ будущемъ: его у нея не было и быть не могло; жизнь лежала открытою, глубокою бездною между нами и счастьемъ и, взявши изъ нея еще немного свѣтлыхъ и отрадныхъ минутъ, мы грустно простились и тихо побрели по различнымъ путямъ!

Но разсказъ мой не конченъ! Задумчиво стою надъ этими страницами. Чудны дѣла Твои, Творецъ земли и неба и чудно наше сердце, созданіе Твоей власти!

Что опять шевельнулось и проснулось въ душѣ? Подъ чѣмъ встрепенулись струны, спавшія въ ней глубокимъ, мирнымъ сномъ? И зачѣмъ настоящее все вдругъ стало такъ полно этимъ милымъ минувшимъ и жизнь своевольно повернула назадъ?

Есть у меня романсъ, есть виньетка на немъ: молодой человѣкъ стоитъ скрестивши руки? лицо и свѣтло-русые шелковистые волосы оттѣняются черными, прекрасными глазами: они смотрятъ разсѣянно изъ подъ длинныхъ рѣсницъ полные грусти и мечтательной лѣни.

Романсъ бери, кто хочетъ, виньетки не отдамъ, кто-бъ ее не хотѣлъ! Какъ ужъ много часовъ ушло надъ нею для жизни и сколько ихъ уйдетъ, кому дѣло до нихъ? До нихъ или до того, что вспоминаетъ сердце надъ этою свѣтло-русою, изящною головкою или снимкомъ съ головки Британскаго денди, а быть можетъ и нашего Петербургскаго льва.

Нѣтъ, это не любовь.

. . . . . Любить уже не можетъ
Кто въ школѣ опыта давно ужъ перешелъ
Сердечной музыки мучительную гамму.

Да, любить еще въ прошломъ, любить призракъ минувшаго все тоже что любить кости истлѣвшія давнымъ давно въ могилѣ. Нѣтъ, это не любовь, но это такъ, фантазія! Такъ и влекло меня услышать вновь о Костѣ, слышать имя его, живую вѣсть о немъ. И я отправилась въ уѣздный нашъ городъ, такой пыльный и душный, невыносимый лѣтомъ, да не только что лѣтомъ, хоть бы вѣкъ въ немъ не быть! Три дня сидѣла я у окна моей тѣсной, неудобной квартиры, но кого я ждала все небыло, да небыло: терпѣніе измѣнило, измѣняли глаза. День близился къ вечеру, удушливый зной по немного спадалъ: продольныя тѣни ложились отъ домовъ въ эту длинную улицу и улица стала оживать появленіемъ гуляющей публики, все больше прибывающей, чѣмъ позднѣе вечерѣло. Вотъ вдали съ перекрестка

вдругъ въ глазахъ знакомая фигура, изъ которой свободно составилось бы двѣ. Онъ! сказало мнѣ сердце, которое, впрочемъ, къ чести его будь сказано, никогда не мѣшалось въ наши рѣдкія и далекія отношенія съ нимъ. Я надѣла шляпку и вышла на улицу: это былъ точно онъ, въ коротенькомъ пальто свѣтло-сизаго цвѣта и съ легенькою тросточкою, съ фигурнымъ набалдашникомъ: его квадратный станъ его сплюснутый профиль, его бѣлый картузъ: онъ ужъ былъ въ двухъ шагахъ.

— Bonjour, Семенъ Семеновичъ! сказала я привѣтливо, становясь передъ нимъ. Какъ давно не видались и какъ я рада случаю узнать хоть что нибудь обо всемъ вашемъ миломъ и почтенномъ семействѣ!

Но мой Семенъ Семеновичъ уставилъ на меня свои большіе, круглые, совиные глаза: онъ не ждалъ этой встрѣчи, онъ не привыкъ къ подобнымъ, il en était vexé.

— Благодарю васъ искренно, отвѣчалъ онъ, опомнившись: всѣ наши здоровы, недавно возвратились изъ далекой поѣздки, теперь живутъ попрежнему очень скучно въ деревнѣ.

— Да вы всѣ, кажется, ѣздили недавно въ Петербургъ?

Цѣлый мѣсяцъ тамъ пробыли, сказалъ Семенъ Семеновичъ не безъ оттѣнка гордости. Побывали вездѣ. гдѣ стоило быть и взглянули на все, на что стоитъ взглянуть. Исакіевскій соборъ, вы, я думаю, слышали, совсѣмъ уже отдѣланъ?

Да! И дивно отдѣланъ, перебила я съ умысломъ, предвидя описаніе: но для осмотра всѣхъ чудесъ въ этомъ родѣ безъ чичероне плохо. Вы же вѣрно имѣете знакомыхъ въ Петербургѣ!

— Да, но не очень много. А въ брилліантовой ком-

натѣ вамъ случалось бывать? То то блескъ! то то роскошь!

Просто больно глазамъ, перебила я вновь. Да кстати о знакомыхъ, вы, бывши въ Петербургѣ, ужъ вѣрно отыскали одного изъ старинныхъ и дружески вамъ преданныхъ: вы видѣли Костю?

— Какъ же! былъ у него, почти не разставались до минуты отъѣзда, провожалъ меня даже до желѣзной дороги, былъ безъ памяти радъ и мнѣ и всѣмъ намъ.

— Что онъ? какъ поживаетъ?

— О! живетъ онъ отлично, всегда въ лучшемъ кругу и должность превосходная!

— Да онъ то самъ каковъ?

— Да все также привѣтливъ и все также болтливъ; одного не доскажетъ перебѣжитъ къ другому. Я и то говорю: «да не спѣши, пожалуйста! Не успѣваешь слушать.» Такъ нѣтъ, не исправимъ, такъ и летитъ впередъ.

— Что онъ молодъ еще, также строенъ, какъ прежде?

— Да, онъ молодъ, конечно, отчего ему старѣться, когда во всемъ везетъ.

— Ну, а глаза его? пристала я безъ устали.

— Ну ужъ глазъ то, ей Богу, я какъ то не замѣтилъ, сказалъ онъ пресерьезно размахнувши руками. Впрочемъ, нѣтъ, виноватъ онъ не носитъ очковъ!

Я на скоро простилась съ Семеномъ Семеновичемъ и поплелась обратно домой въ мою квартиру, да изъ огня да въ полымя столкнулась въ воротахъ съ однимъ моимъ знакомымъ: онъ былъ.... ну кто-бъ онъ не былъ! Вообще же говоря человѣкъ замѣчательный въ литературномъ мірѣ, да и не въ немъ одномъ.

— Я былъ сейчасъ у васъ, сказалъ онъ, протянувши

мнѣ дружески руку и, поджидая васъ, прочелъ вашу статью

— Прочли? спросила я съ замирающимъ сердцемъ.

— Еще бы не прочесть при томъ живомъ участіи съ которымъ я встрѣчаю каждый новый вашъ трудъ.

— Ну что-жъ? сказала я.

— Взойдемъ и потолкуемъ, отвѣчалъ мой знакомый, я же кстати свободенъ и радъ, какъ и всегда, провести съ вами вечеръ.

— Et bien! спросила я, когда мы оба сѣли и зажгли папиросы.

— Да то же что всегда: я всегда говорилъ; вы женщина съ талантомъ, я васъ понялъ такою со дня нашей первой встрѣчи и по этому, вспомните, и тогда ужъ совѣтовалъ, убѣждалъ васъ трудиться, предвидя отъ васъ въ будущемъ много, много хорошаго....

— Рѣчь теперь о статьѣ! сказала я съ досадою.

— Вотъ то-то о статьѣ: объ ней и я толкую, за то то и досадно и на васъ и за васъ!

— Au fait! сказала я.

— Au fait то и выходитъ, что подобныхъ вещей не слѣдуетъ писать. И когда же еще? Когда время стремится къ великимъ событіямъ, когда столько живыхъ, современныхъ вопросовъ и таланту открытъ такой широкій путь! Вашъ мнѣ близокъ и дорогъ, такъ тѣмъ еще досаднѣе встрѣчать его силу зажатою въ рамкѣ статьи въ родѣ разсказа: изъ далекаго прошлаго! И при такой способности писать прямо съ натуры, когда черты выходятъ живыя на бумагу, какъ въ вашей до сихъ поръ неконченной статьѣ? И вѣдаетъ Богъ, суждено ли ей кончиться! Всѣ женскіе таланты, у всѣхъ одинъ порокъ: взовьется быстро, смѣло, а потомъ залѣнится и въ

двухъ шагахъ отъ цѣли помчится отъ нея за какимъ нибудь призракомъ въ родѣ вашего Кости, за какимъ нибудь блѣднымъ, черноглазымъ красавчикомъ и все ужъ оставлено, все забыто и брошено? И это художество и это художники! воскликнулъ онъ съ глубокою, запальчивою досадою, перебѣжавшею молніею въ его темно-сѣрыхъ, вдохновеныхъ глазахъ.

— Est-il jaloux, mon Dieu сказала я съ улыбкою.

— Jaloux! Это по вашему! Вы привыкли вносить и въ святое искусство всѣ страсти и волненія вашей женской природы. Но оно для меня всегда выше всего, всегда впередъ всего, все милое, завѣтное, все ничто передъ нимъ; пора вамъ это знать! Je ne suis pas jaloux: я ужъ отжилъ для этого; но когда я встрѣчаю на пути моемъ женщину подобную вамъ, мнѣ хочется увлечь ее туда же за собою, мнѣ жаль дарованія, когда оно заглохнетъ, растратится ни въ чемъ, когда оно можетъ принесть еще плоды, огромные проценты на живой капиталъ. Вотъ потому-то зло и глубоко досадно, когда оно свернетъ съ прямой своей дороги, уклонится отъ цѣли, куда веду его, поощряя совѣтомъ и собственнымъ примѣромъ, вотъ почему я строгъ ко всѣмъ вашимъ статьямъ, къ каждой легкой погрѣшности. Я бранчивъ и взыскателенъ всею силою преданной и искренней дружбы и она не измѣнится потому, что основана на прочномъ основаніи однородныхъ стремленій и общаго призванія. Ну, въ васъ оно слабѣе, потому что вы женщина, хоть и выше другихъ, но когда оно есть, оно должно идти и дойти къ своей цѣли и не бросаться въ сторону, не тратиться на мелочи!

— Вотъ наши отношенія, продолжалъ мой знакомый и вы сами скажите, не лучше ли они всѣхъ въ мірѣ осталь-

ныхъ, не говоря уже о тѣхъ аркадскихъ чувствахъ, о горечи ревности до сладости любви!

— Конечно, чего лучше, какъ жить для искусства, когда ужъ не приходится жить для всего другаго! сказала я со вздохомъ, сливая въ этомъ вздохѣ и то милое прошлое, что было когда-то и мое настоящее, которое могло-бъ, если-бъ не жизнь да доля быть еще хорошо!

— Ну а статья моя! Что же дѣлать мнѣ съ нею?

— Да отправить въ редакцію и начинать другое или закончить старое и главное работать, безъ устали работать, чтобъ жизнь не даромъ шла!

— Да, хорошо работать! Но вѣдь и трудъ прискучитъ! Что въ жизни не прискучитъ? Найдетъ порою лѣнь: ни думать, ни писать, ни жить даже не хочется! Нивѣсть куда бы дѣлася, лишь бы свалить съ себя всю эту апатію, эту живую смерть! А тамъ опять пройдетъ, опять зашевелится и встрепенется жизнь, мысли такъ и прихлынутъ свѣтлыя, рѣзвыя, такъ и просятся вонъ. Тогда пишу, тружусь, живу для настоящаго и вдругъ отброся въ сторону и перья и бумагу, бѣгу за инструментъ къ хорошенькой виньеткѣ и вся въ прошломъ, бываломъ смотрю на эти милыя, знакомыя черты, смотрю не налюбуюсь гляжу не нагляжусь!

— А любить? не люблю никого, никого! Tout passe, tout casse, tout lasse! *Она* правду говоритъ: игра не стоитъ свѣчъ!

ОТЖИТЫЯ ПЕЧАЛИ.

РАЗСКАЗЪ.

Живи я въ тѣ времена, когда люди относили несчастье и счастье вліянію невидимыхъ силъ, враждебныхъ геніевъ и благодѣтельныхъ фей, я сказалъ бы непремѣнно, что злая волшебница посмѣялась надо мною при моемъ рожденіи и силою мощныхъ чаръ навѣяла несчастье на дѣтство и на юность мою; но золотое время наивныхъ вѣрованій въ чудесное раздѣлено вѣками отъ настоящаго, фантазія уступила поле дѣйствительности, феи, геніи и волшебники исчезли съ лица земли и человѣкъ долженъ уже былъ искать и спрашивать у себя самаго и подобныхъ себѣ причины своего счастья или несчастья. По этому, говоря положительнымъ языкомъ нашего времени, я просто скажу, что судьба не взлюбила меня со дня рожденія и рано познакомила моня съ страданіемъ и бѣдностью. Грустно протекло мое дѣтство и эти первые годы обыкновенно свѣтлые въ воспоминаніи другихъ, запечатлѣлись въ моей памяти цѣлымъ рядомъ лишеній и незаслуженныхъ обидъ, Любовь матери не оберегала моихъ первыхъ шаговъ: день моего рожденья былъ днемъ ея кончины. Отецъ мой тутъ же вскорѣ женился на другой. Дѣти

одарены необыкновенною, инстинктивною способностью угадывать любовь и непріязнь окружающихъ ихъ. Я рано понялъ нерасположеніе ко мнѣ моей мачихи и вопросъ о причинахъ его тогда ужъ занималъ мое любопытство. вопросъ этотъ я задавалъ себѣ нерѣдко и впослѣдствіи, но настоящее не могло разрѣшить мое недоумѣніе; ключъ къ этой непріязни былъ въ прошломъ моей мачихи, куда я и вернусь на нѣсколько минутъ.

Въ жизни каждой женщины заключается романъ болѣе или менѣе интересный, романъ моей мачихи былъ обыкновенный романъ всѣхъ женщинъ съ холоднымъ сердцемъ и съ пылкимъ воображеніемъ, а потому во избѣжаніе укора въ повтореніи того о чемъ было и писано и говорено уже столько разъ, я не вхожу въ систематическій анализъ этого страннаго противорѣчія женской природы и довольствуясь бѣглымъ очеркомъ чувствъ и жизни той, чье прошедшее должно было отозватся въ настоящемъ, какъ и въ прошедшемъ моемъ.

Дочь богатаго помѣщика, мачиха моя вступила отъ рожденія въ разрядъ тѣхъ баловней судьбы, для которыхъ жизнь, какъ кажется, измѣняетъ своему назначенію, заботливо устраняя нужды, слезы, безсонныя ночи страданія, которыми она такъ щедро надѣляетъ другихъ, счастливцевъ, которымъ все удается, людей за счастье которыхъ становится страшно порою, когда мысль о переходчивости всего земнаго проскользнетъ мрачною тѣнью по свѣтлой картинѣ ихъ настоящей жизни.

Судьба и добрый отецъ спорили наперерывъ объ удовольствіи дарить и лелѣять любимицу свою, и судьба и отецъ привели ее къ одному результату: какъ всѣ люди вообще, избалованные счастіемъ и любовью, мачиха со-

средоточила всѣ чувства и привязанности на одной себѣ и требовала для своего *я* такого же высокаго уваженія, какое воздавало ему ея собственное самолюбіе. Винить или оправдывать ее въ этомъ случаѣ я совершенно предоставляю произволу другихъ: въ былые годы, когда жизнь чувства не была еще подавлена тою жизнью положительныхъ думъ и разсчетовъ, которою живетъ большая часть людей нашего вѣка, эгоизмъ вмѣнялся въ непростительный порокъ, но другіе времена, другіе нравы, и тотъ, объ эгоизмѣ котораго отозвались бы съ презрѣніемъ наши предшественники, о томъ говорятъ нынче, мысленно снявши передъ нимъ шляпу, какъ о человѣкѣ умномъ, достойномъ, умѣющемъ жить въ свѣтѣ и пролагать себѣ путь.

Я же, не раздѣляя ни преувеличеннаго осужденія вѣковъ прошедшихъ, ни такого же преувеличеннаго одобренія настоящаго времени, не назову эгоизма ни порокомъ не добродѣтелью, а горькимъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ слѣпаго счастія или долгаго страданія на душу человѣка: и то и другое равно образовываетъ эгоистовъ, говоря, разумѣется, не о томъ несчастьи или счастьи, которое быстро смѣняется одно другимъ и то заблеститъ краснымъ солнышкомъ, то найдетъ темною тучею, но о томъ, которое дается немногимъ избраннымъ любовью или враждою судьбы и оставляетъ на жизни глубокій, опустошительный слѣдъ!

Молодая, богатая и прекрасная мачиха блестѣла яркою звѣздою въ томъ кругѣ, куда заключили ее сначала обстоятельства и удержало впослѣдствіи самолюбивое сознаніе первенства подъ обществомъ, въ которомъ жила. Само собой разумѣется, что въ поклонникахъ и вздыхателяхъ

недостатка не было и быть не могло; красота въ золотой оправѣ могущественная приманка любви. Между искателями были люди и умные и достойные и предлагавшіе вмѣстѣ съ рукою всѣ условія счастливой, супружеской жизни; но судьба или мусульманскій фатумъ не осудила молодости мачихи на такой вялый и прозаическій конецъ; такъ по крайней мѣрѣ думала она, такъ думаютъ и многія женщины; кокетство чувства безспорно существуетъ во многихъ изъ нихъ и желаніе блеснуть оригинальностью и рѣзко отличить свою жизнь отъ жизни тѣхъ, о которыхъ молчитъ молва, счастливицъ, промѣнявшихъ извѣстность на покой, бываетъ причиною тѣхъ выходокъ, о которыхъ шумитъ свѣтъ, пишутъ романисты и плачетъ погибшее счастье женщины и доброе имя ея.

Мачиха увлекалась однимъ изъ многихъ софизмовъ женской философіи и выступила добровольно на стезю тѣхъ безполезныхъ волненій, которыхъ ищетъ женская слабость и въ которыхъ гибнетъ она: прикрывая очевидное безразсудство великолѣпными словами самоотверженія и непобѣдимой страсти, она положила свѣжій цвѣтокъ своей первой любви къ ногамъ отца моего, человѣка холоднаго, безвозвратно отжившаго для всѣхъ молодыхъ, живыхъ и свѣжихъ чувствъ. Напрасно были увѣщанія и слезы и укоры, избалованная воля дѣвушки вышла побѣдительницею изъ всей этой борьбы, устранила всѣ препятствія, превозмогла всѣ возраженія отцовской любви.

Этотъ бракъ, упрямство со стороны одного, черствый разсчетъ со стороны другаго, не избѣжалъ неизбѣжныхъ слѣдствій всѣхъ браковъ подобнаго рода, мечта моей мачихи подвергалась общему удѣлу всѣхъ несбыточныхъ сновъ и дѣйствительность полная слезъ, раздоровъ и ра-

зочарованій убила вскорѣ въ ея сердцѣ мечтательную любовь.

Женщина несознательна и несправедлива отъ природы: она смѣло возлагаетъ на другаго отвѣтственность за произвольную свою ошибку и, вымѣщая на прежнемъ кумирѣ горечь перваго разочарованія, низводитъ его съ блестящаго подножія, куда такъ недавно возвела его ея же рука; безразсудная въ любви и въ ненависти, она смѣло срываетъ съ головы его вѣнокъ и съ ребяческою злостію топчетъ въ пыли и въ грязи обломки его вмѣстѣ съ обломками своей разрушенной мечты. Къ несчастію для общества, подобные супружества нерѣдки и явленіе любовниковъ враговъ потеряло теперь всю первобытную свою оригинальность. Эта грустная исторія, которую случалось видѣть и вамъ и мнѣ, вамъ издали, а мнѣ вблизи, вамъ зрителемъ а мнѣ дѣйствующимъ или вѣрнѣе страдательнымъ лицомъ. Потому пощажу васъ описаніемъ этой тяжелой жизни, гдѣ право любви переходило въ право горькихъ укоровъ, гдѣ слезы разбивались о холодность и горькая раздражительность придавала страшный вѣсъ и силу самымъ незначительнымъ словамъ.

Въ числѣ всѣхъ грустныхъ слѣдствій семейнаго раздора, занимаетъ безспорно не послѣднее мѣсто, его гибельное вліяніе на матеріяльныя выгоды жизни, не говоря о нравственныхъ: въ борьбѣ высшихъ интересовъ гибнутъ естественно интересы, мелкіе по видимому, но важные въ сущности, въ примѣненіи ихъ къ жизни и къ настоящему положительному направленію умовъ. Скажу болѣе: когда тихія радости семейной жизни гибнутъ подъ тяжестью домашнихъ смутъ, когда намъ пусто, холодно, невыносимо дома, тогда свѣтъ открываетъ намъ широко объятія, онъ проводитъ передъ нашими взорами пеструю

вереницу соблазновъ, забавъ и обольщеній и продаетъ намъ на вѣсъ золота самозабвеніе за неимѣніемъ счастья! Отецъ мой и мачиха бѣжали семейнаго ада путемъ, по которому шли и идутъ многіе, пойдутъ еще многіе впереди. Оба старались заглушить свое горе, она въ шумномъ вихрѣ блестящей свѣтской жизни, онъ—заливая горечь жизни виномъ.

При такомъ ходѣ дѣлъ раззореніе становилось неизбѣжнымъ, оно настало и бѣдность подала руку раздору на несчастье близкихъ моихъ.

Слабая душа моего отца первая пала подъ тяжестію несчастья, уничтожившаго всякую возможность лучшей будущности; лѣнивый и изнѣженный, онъ не вынесъ жизни исполненной лишеній и умеръ очень скоро холодный, равнодушный, какъ человѣкъ, отжившій всѣ надежды на счастье.

Отецъ мой умеръ, но непріязнь мачихи пережила отжившаго и соединила въ одномъ чувствѣ и его и меня. Много лѣтъ пронеслось ужъ съ тѣхъ поръ, и молодость прошла и сѣдина блеснула въ волосахъ, но память сохранила свѣжо воспоминаніе дней, пережитыхъ мною съ мачихою, какъ будто-бъ между прошлымъ и моимъ настоящимъ прошелъ одинъ лишь день.

До сихъ поръ еще помню нашу бѣдную квартиру въ глухомъ закаулкѣ шумнаго города и ту большую комнату, сырую и холодную, гдѣ мы сидѣли съ мачихою по цѣлымъ долгимъ днямъ. Гдѣ носились тогда ея грустныя думы? Быть можетъ память проводила передъ нею тѣ свѣтлыя картины невозвратно минувшаго, ибо грудь ея высоко вздымалась и яркій румянецъ загорался внезапно на блѣдныхъ щекахъ. Но въ ту-жъ минуту блѣд-

ность замѣняла опять эту яркую вспышку жизни и счастья, быть можетъ сравненіе прежде бывшаго счастья съ печальною дѣйствительностью, ложилась въ тѣ минуты глубоко въ душу и томительная забота бѣдности о насущномъ хлѣбѣ на завтрашній день мгновенно разсѣевала блаженный и только что вызванный сонъ. Помню я тоже и прогулки мои на могилу отца: этотъ зеленый холмикъ, съ бѣлымъ камнемъ надъ нимъ, возбуждалъ много чувствъ въ неопытномъ сердцѣ; помню порою мои слезы надъ бѣдною, покинутою могилою и порою мои рѣзвыя игры надъ нею. Я пользовался грустною судьбою дѣтей, предоставленныхъ своему произволу равнодушіемъ постороннихъ или безпечностью и бѣдностью близкихъ имъ лицъ; я уходилъ изъ дома какъ и куда хотѣлъ, долго-ли, коротко-ли было мое отсутствіе, никто не спрашивалъ меня о немъ.

Время шло и ушло довольно ужъ далеко, не внося перемѣнъ въ мою жизнь съ моею мачихою: я сталъ только несчастнѣе по мѣрѣ развитія моихъ чувствъ и понятій, да долгое страданье провело рѣзкій слѣдъ на блѣдномъ и прекрасномъ лицѣ моей мачихи! Не знаю, кто изъ насъ былъ достойнѣе участья! Я-ли, бѣдный ребенокъ никогда не знавшій объ участи лучшей, она-ли, извѣдавшая всѣ радости жизни и потерявшая ихъ въ полномъ разцвѣтѣ здоровья и силъ? И тогда уже сожалѣнье къ ней было въ сердцѣ моемъ глубоко и искренно, но не смотря на это, оно не проявилось ни раза наружу и запуганное холоднымъ обхожденіемъ мачихи осталось на вѣки въ тайникѣ души.

Я не могу придумать, что бы сталось со мною, къ какому исходу привела бы меня подобная жизнь, еслибъ

судьба не позаботилась положить ей конецъ, однимъ важнымъ событіемъ, давшимъ ей другой видъ и другой оборотъ; это событіе была смерть моей мачихи.

Подробности этой кончины, словъ и обстоятельствъ, сопровождавшихъ ее запали глубоко, глубко въ мою память!

Настала осень съ ея ранними сумерками, съ ея тихими, ясными, холодными вечерами. Я возвратился домой изъ привычной моей, безцѣльной прогулки по окрестностямъ города. Мѣсяцъ медлено плылъ по чистому небу, усѣянному множествомъ блестящихъ звѣздъ. Огонекъ въ окошкахъ нашей бѣдной квартиры, непривычная роскошь въ такое время года, когда бѣдность и скупость не жгутъ свѣчъ вечерами, заставилъ меня ускорить шаги. Я взбѣжалъ на крыльцо, прошелъ ощупью сѣни и съ страннымъ небывалымъ замираніемъ сердца открылъ тихонько дверь. (Я забылъ сказать, что мачиха ужъ болѣе недѣли совсѣмъ слегла въ постель, съ которой ей бѣдной, не суждено уже было вставать.) Никогда не забуду картины которую увидалъ въ то время.

Лампадка освѣщала нашу бѣдную комнату и блѣдное, прекрасное лицо моей мачихи, доживающей послѣдніе часы своего скорбнаго земнаго бытія; на столикѣ покрытомъ чистою скатертью лежали: распятіе, ладонъ и свѣчи; склонившись надъ самымъ изголовьемъ страдалицы стояла сидѣлка, старуха дьячиха, добывавшая пропитанье уходомъ за больными и чтеніемъ молитвъ надъ усопшими. Видъ-ли этой женщины, напомнившей мнѣ покойниковъ, въ ихъ длинныхъ, бѣлыхъ саванахъ и ставники пылающіе вокругъ страшнаго гроба, этой женщины сухой, угрюмой, пропитанной зажиро запахомъ тлѣнія

произвелъ это дѣйствіе или торжественное зрѣлище смерти покорило своему вліянію сердце мое, но я робко забился въ мой темный уголокъ и видѣлъ оттуда, будто въ туманѣ, какъ вошелъ священникъ, чтобъ разрѣшить ея бѣдную душу отъ тяготѣющихъ надъ нею узъ грѣха, и ушелъ благословивъ ее на трудную, послѣднюю борьбу. Глубокое молчаніе воцарилось по прежнему въ большой, холодной комнатѣ, прерываемое изрѣдка только стонами мачихи, да человѣколюбивыми возгласами сидѣлки:

Охъ сиротка моя безталанная! Горемычная моя!

Тяжело умирать! Какъ жизнь ни бѣдна счастьемъ и радостью все-жъ она лучше душной могилы. Тяжело разставаться съ свѣтомъ, съ воздухомъ, съ солнцемъ и со всѣми, которыхъ любило сердце и съ тѣми, къ кому было равнодушно оно. Но умирать всѣми забытой и всѣми оставленной, какъ умирала моя бѣдная мачиха, еще вдвое грустнѣе, еще тяжелѣе! Не знаю, сколько времени я проспдѣлъ въ моемъ тѣсномъ убѣжищѣ, когда сидѣлка взяла меня за руку и подвела къ постели больной.

Дитя мое! прошептала она, наклонись ко-мнѣ ближе, прости меня, пожалѣй меня! Дитя мое, Господь страшно наказываетъ того, кто никого не любитъ, исключая себя: Онъ одинъ, милосердный, знаетъ и видитъ, какъ бы я могла... какъ бы я хотѣла... Голосъ страдалицы быстро слабѣлъ, невыразимая кротость дышала въ угасающемъ взорѣ прекрасныхъ, черныхъ глазъ. Горькія слезы текли изъ глазъ моихъ на одръ умирающей; черезъ нѣсколько времени на немъ ужъ лежалъ безжизненный трупъ. Душа бѣдной женщины улетѣла

въ небо и торжественная минута, когда ея сердце разбило ледную кору себялюбія и безчувствія было также минутою, въ которую это бѣдное сердце замолкло на вѣкъ!

Блѣдная заря занималась на небѣ: нѣсколько добрыхъ старушекъ-сидѣлокъ пришли, чтобъ отдать тѣлу покойницы послѣдній долгъ, обмыли ее, прибрали, одѣли, положили на столъ и на другой день бренные останки моей мачихи, заключенные въ простой, крашенный гробъ, опустили въ могилу и я остался одинъ въ широкомъ мірѣ.

СПИСОКЪ Гг. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Генералъ-Маіоръ Киновичъ.
Полковникъ Стандершельдъ.
Генералъ-Маіоръ Чайковскій.
Генералъ-Маіоръ Сивербрикъ.
Генералъ-Маіоръ Лишинъ.
Товарищъ Мин. Внут. Д. Мухановъ.
Статскій Совѣтникъ Спѣшневъ.
Полковникъ Епанчинъ.
Генералъ-Маіоръ Тимковскій.
Генералъ-Маіоръ Курдюмовъ.
Генералъ-Провіантмейстеръ Булгаковъ.
Товарищъ Министра Юстиціи Замятнинъ.
Генералъ-Маіоръ Веймарнъ.
Генералъ-Маіоръ Якимахъ.

Скачиловъ.
Генералъ Кригсъ-Комиссаръ Графъ Канкринъ.
Полковникъ Деморъ.
Тайный Совѣтникъ Безкорованный.
Министръ Финансовъ Тайный Совѣтникъ Княжевичь.
Генералъ-Лейтенантъ Пашковъ.
Товарищъ Министра Ин. Д. Шталмейстеръ Толстой.
Дѣйст. Статскій Совѣтникъ Злобинъ.
Статскій Совѣтникъ Щербининъ.
Рененкампфъ.
Острогадскій.
Генералъ-Адъютантъ Лутковскій.
Генералъ-Лейтенантъ Вальцъ.
Полковникъ Соловцовъ.
Генералъ-Контролеръ Стрѣльниковъ.
Дѣйст. Статскій Совѣтникъ Цеэ.
Тайный Совѣтникъ Гостовцевъ.
Баронъ Штиглицъ.
Дѣйст. Статскій Совѣтникъ Лоскій.
Михельсонъ.
Полковникъ Меньчуковъ.
Дѣйст. Статскій Совѣтникъ Кобылинъ.
Военный Министръ Сухановъ 2-й.
Генералъ-Маіоръ Лихачевъ.
Генералъ-Адъютантъ Игнатьевъ.
Капитанъ Кожынъ.
Князь Урусовъ.
Князь Оболенскій.
Генералъ-Маіоръ Крыжановскій.
Тайный Совѣтникъ Жандръ.
Тайный Совѣтникъ Френкъ.
Статскій Совѣтникъ Навроцкій.

Статскій Совѣтникъ Витте.
Дѣйст. Статскій Совѣтникъ Меркуловъ.
Графъ Блудовъ.
Тайный Совѣтникъ Апрѣлевъ.
Полковникъ Готовскій.
Генералъ-Маіоръ Рыдзевскій.
Тайный Совѣтникъ Пѣтуховъ.
Контръ-Адмиралъ Зеленый.
Статсъ-Секретарь Князь Оболенскій.
Генералъ-Маіоръ Терентьевъ.
Прапорщикъ Пановъ.
Дѣйств. Статскій Совѣтникъ Розенбергъ.
Капитанъ Воеводскій.
Полковникъ Чернявскій.
Тайный Совѣтникъ Лаубе.
Дѣйст. Статскій Совѣтникъ Маркеловъ.
Баронъ Клодтъ.
Дѣйст. Статскій Совѣтникъ Гаевскій.
Дѣйст. Статскій Совѣтникъ Домантовичъ.
Генералъ-Маіоръ Скалонъ.
Графъ Сиверсъ.
Полковникъ Хаминъ.
Генералъ-Адъютантъ Князь Долгоруковъ 1-й.
Гвардіи Поручикъ Бибиковъ.
Генералъ-Адъютантъ Тимашевъ.
Полковникъ Майволдовъ.
Подполковникъ Бачмановъ.
Капитанъ Зарубинъ.
Полковникъ Берхманъ.
Дѣйст. Статскій Совѣтникъ Поповъ.
Статскій Совѣтникъ Грибовскій.
Толстой.

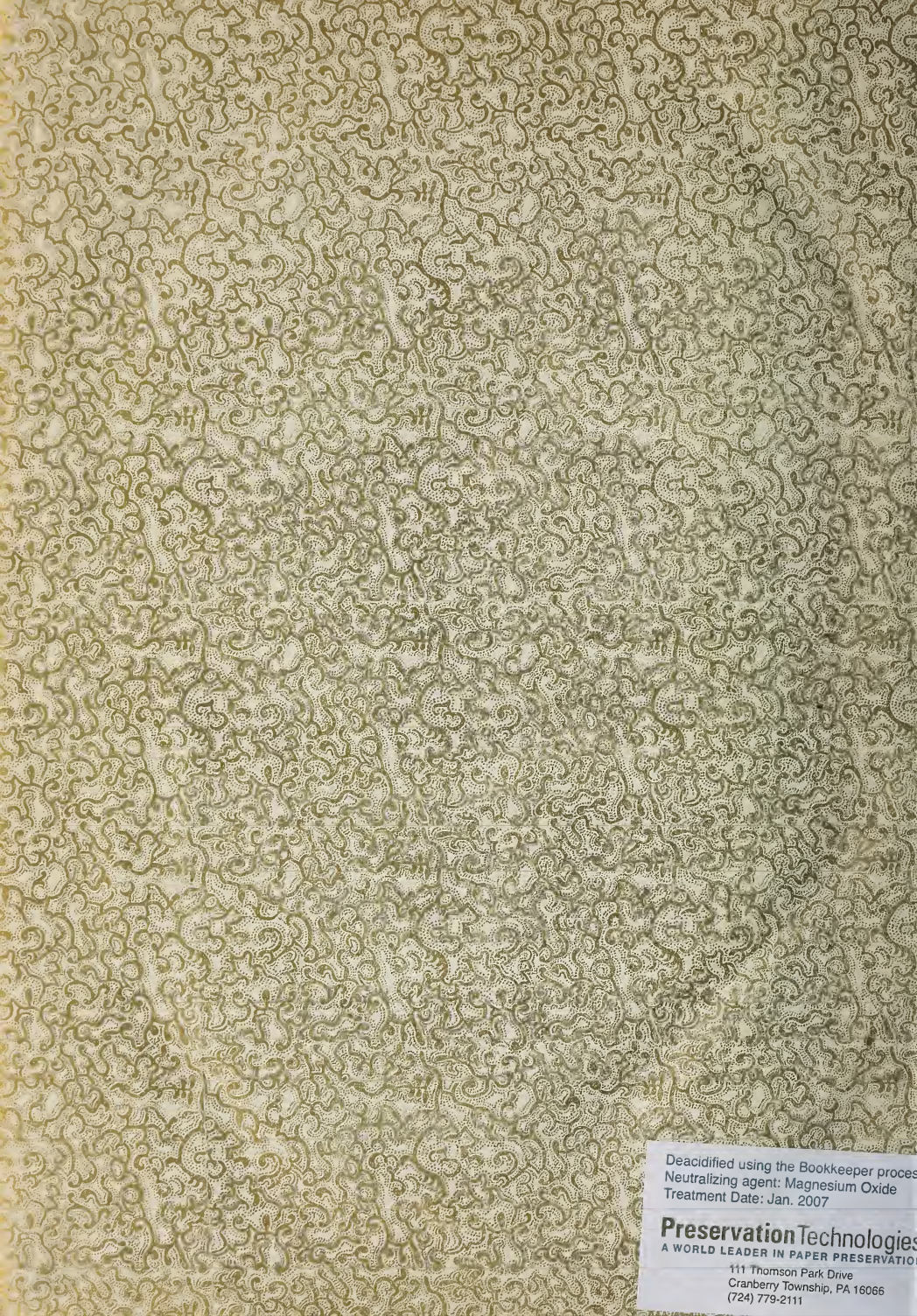
Баронъ Фитинговъ.
Полковникъ Хородиновъ.
Флигель-Адъютантъ Голынскій.
Графъ Потоцкій.
Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Берте.
Генералъ-Маіоръ Миллеръ.
Тайный Совѣтникъ Старцевъ.
Гофмейстеръ Графъ Зубовъ.
Гофмейстеръ Чичеринъ.
Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Чистяковъ.
Тайный Совѣтникъ Бибиковъ.
Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Сушинскій.
Генералъ-Лейтенантъ Брюггенъ.
Товарищъ Министра Внут. Дѣлъ Милютинъ.
Товарищъ Министра Госуд. Имущ. Зеленый.
Князь Голицынъ.
Статсъ-Секретарь Гофманъ.
Генералъ-Маіоръ Евреиновъ.
Товарищъ Министра Удѣловъ Графъ Стенбокъ-Ферморъ.
Сенаторъ Долгополовъ.
Оберъ-Гофмейстеръ Баронъ Мейендорфъ.
Баронъ Штакельбергъ.
Баронъ Гревницъ.
Полковникъ Бреверпъ.
Полковникъ Азарьевъ.
Полковникъ Коковцевъ.
Баронъ Эйнзидель.
Полковникъ Львовъ.
Полковникъ Герековъ.
Генералъ-Адъютантъ Путята 1-й.
Генералъ-Лейтенантъ Сутгофъ 1-й.
Тайный Совѣтникъ Рашедъ 2-й.

Полковникъ Ворондцъ.
Генералъ-Маіоръ Желтухинъ.
Баронесса Мейендорфъ.
Княгиня Гагарина.
графиня Зубова.
Княгиня Максутова.
Графиня Саллогубъ.
Гофместерина Философова.
Графиня Тизенгаузенъ.
Баронесса Тизенгаузенъ
Фрейлина Ея Императорскаго Величества Бартенева.
Тайная Совѣтница Лубяновская.
Княгиня Голицына.
Графиня Маримони.
Графиня Ламбертъ.
Полковница Кологривова
Полковница Мичурина.
Надворный Совѣтникъ Гавриловъ.
Бакановскій.
Шторфъ.
Жлобицкій.
2-е Страховое Общество.
Княжевичъ.
Статскій Совѣтникъ Вороновъ.
Генералъ-Маіоръ Степановъ.
Дѣйст. Стат. Совѣт. Ивановскій.
Коллежскій Секретарь Бекдокъ.
Коллежскій Ассесоръ Пургольдъ.
Елецкій помѣщ. Н. Н. Дединцовъ.
Тайный Совѣтникъ Енохинъ.
Дѣйст. Стат. Совѣтникъ Козловъ.

Елецкій помѣщ. П. П. Вороновъ.
Дѣйст. Стат. Сов. Константиновичъ.
Бородинскаго полка лек. Пастуховъ.
Тайный Совѣтникъ Пелпканъ.
Коммерціи Совѣтникъ Кокоревъ.
Невинскій.
Голубцовъ.
Германъ.
Полумбинскій.
Харламовъ.
Чайниковъ.
Соколовъ.
Лейбъ-Медикъ Шмитъ.
Коммерціи Совѣтникъ Громовъ
Капитанъ Петровъ.
Григорьевъ.
Титулярный Сов. Ежовскій.
Галибинъ.
Полковникъ Войниковъ.
С. П. Баронъ.
Директоръ Гимназ. Вишмаръ.
Инспекторъ Гимназ. Шульманъ.
Статскій Сов. Разсказовъ.
Ѳ. Блюмъ.
Николаевъ.
Коллежскій Ассесоръ Эдварцъ.
Гурьевъ.
Давыдовъ.
Николаевъ.
Трофимовъ.
Ивановъ.
Жуковъ.

Усовъ.
Шпалтье.
Полкови. Логиновъ.
Любащинскій.
Матюнинъ.
Кобекъ.
Варинкъ.
Окель.

Елец
Дѣйс
Бор(
Тай
Ком
Нег
Гол
Гер
По.
Ха
Ча
С(
Л(
К
Б
Г
Т
І
І
(


Deacidified using the Bookkeeper proces
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007
Preservation Technologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATIO
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
00023288965